

Вера СЫТНИК

Миллениум

Рассказы и повести

Программа «Новые имена»

16+

Вера Сытник Миллениум

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64305676
Миллениум: Союз писателей; Новокузнецк; 2017
ISBN 978-5-00073-574-9*

Аннотация

Сборник рассказов. Лауреат программы «Новые имена современной литературы».

Чувства напоминают степной пожар. Они разгораются в одно мгновение под воздействием легкого ветерка и гаснут, стоит оросить их ледяной водой реальности. Эмоции, бушующие в груди, не дают спать по ночам. Они сводят с ума, заставляют вновь и вновь переживать каждый миг своего счастья или годами упиваться неудачами. Тайны, сокрытые в глубине сердца, внезапно всплывают на поверхность, угрожающие, способные уничтожить уютную жизнь. Ошибки оказываются роковыми, но не сразу удается это понять. Внезапное прозрение наступает в момент, когда кажется – все идет своим чередом. А откровения, которые неожиданно являются обывателям, навсегда лишают покоя и рушат каменные стены, возведенные вокруг своего сердца. Вера Сытник на страницах сборника рассказов «Миллениум» познакомила читателей с историями обычных людей. Она дала шанс заглянуть за закрытые двери, услышать,

о чем говорится за закрытыми окнами, проникнуть в чужие сны. Любовь и ненависть, равнодушие и измены, надежды и разочарования, случайные встречи и болезненные расставания, возвращение к прошлому и стремление к будущему, полет в облаках и падение на острые камни реальности... Это и многое другое ждет героев книги и читателей, готовых погрузиться в омут вечных чувств и мимолетных страстей.

Содержание

Миллениум	6
Отпуск в Каталонии	9
Сапфо	29
Лягушка	38
Ночной разговор	48
В аэропорту	55
Под фонарём	59
Ревизия	66
На авеню в Париже	79
Командировка	97
Йо-йо	109
Жуть...	117
Язычница	121
Разрядка	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Вера Сытник

Миллениум

© Сытник В., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Миллениум

Вечер тридцать первого декабря. Мы сидим с ней в квартире моего друга, убежавшего по срочному вызову в больницу и оставившего меня встречать его гостей, и разговариваем, потягивая мартини из тонких конусообразных бокалов, на дно которых я положил по одной крупной маслине. За окном – праздничность зимнего вечера в сверкающих рекламных вывесках и увитых разноцветными гирляндами деревьях. Кинешь взгляд – не старый сквер внизу, а сказка, сошедшая с открытки, которую откроешь, а она вдруг заиграет музыкой и так и обдаст тебя ощущением будущего счастья!

– Нет, это не случайность, – произношу я, стараясь придать голосу серьёзность, и невольно перехожу на более низкий тембр, который появляется, как только начинаю разговаривать с красивыми женщинами. – Это знак судьбы или вызов, уж как угодно, но, согласитесь, странно, что мы встретились именно сегодня, накануне нового тысячелетия. Миллениум!

– Вы так думаете?

Она прикидывается равнодушной, между тем как её глаза живо блестят, а маленькие ушки насторожённо ловят мужской воркующий голос, боясь пропустить возможную фальшь. Но мой взгляд открыт, слова звучат искренне. Она успокаивается и не убирает мою руку, которую я осторожно

кладу на кончики её пальцев, то и дело нервно вздрагивающие. Она сидит в кресле у окна, положив руки на журнальный столик, куда мы ставим бокалы, а я рядом, на мягком ковре, у её ног. Слабо пахнет смолой от поставленных в вазу нескольких пушистых веток ели, апельсинами и остывшим кофе. Играет тихо музыка, предстоящее волшебство новогодней ночи висит в воздухе...

– А ведь я мог не прийти так рано. Мы бы не встретились, и не было бы этих минут...

– Вы правы. Я забежала случайно, по пути, с хозяином едва знакома. Меня попросили передать книги. Пришла, а тут вы... Такой проказник! Заговорили меня.

– Сегодня Новый год, всё должно быть необычно, как в сказке! То, что вы появились так внезапно, лишь подтверждает волшебство. Я не отпущу вас. Разве можно отпускать от себя сказку?

Она счастливо, мелко и тихо смеётся и отклоняется, раскидывая по спинке кресла льняные волосы, открывая моему взору нежную, гибкую шею и трогательную впадину в узком вырезе блузки. С её лица ещё не сошёл морозец, который она занесла с улицы, щёки так и играют румянцем! Или это от волнения, от близости мужчины, который ей очень нравится. Я вижу это по быстрому взгляду серых глаз, в которых прячется любопытство: а что же дальше? Не спеша отставляю бокал, сжимаю её пальцы и осторожно тяну к себе, на пол. Она не сопротивляется, только смеётся всё громче и

смелее...

После, застёгивая мелкие пуговички на блузке, поправляя сбившуюся надо лбом чёлку, деловито говорит, смотря на часы:

– Нужно позвонить подруге, предупредить, что не приеду к ней. Поздно.

– Думаю, ты успеешь, сейчас вызову такси для тебя, – говорю я таким тоном, будто вынужден против воли закрыть волшебную открытку.

– Ах! – восклицает она, багровая краска разливается по её лицу. – Не стоит. Здесь близко.

И убегает, на ходу срывая пальто с вешалки в прихожей.

– С Новым годом! – кричу я на лестничную площадку и, не дождавшись ответа, захожу в квартиру. Неужели моя нежданная гостья поверила в сказку?..

8 июня 2012, Китай

Отпуск в Каталонии

Геннадий поднялся в лифте на седьмой этаж, принял душ в своём номере и, обернув тёплое махровое полотенце вокруг бёдер, вышел на широкий балкон, нависающий над изумрудным бассейном в центре гостиничного комплекса. Геннадий предпочёл этот отель всем другим в испанском приморском городе за респектабельность и близость к пляжу. Удобно устроившись в шезлонге, полосатом, как матросская тельняшка, он с удовольствием прикрыл глаза, намереваясь обсохнуть на солнышке, чтобы затем спуститься в ресторан. Сегодня он проспал, поэтому не пошёл на море, которое синью блестело на горизонте, обещая волшебный день, а искупался в кристально чистой подогретой воде бассейна.

Вечерами, когда внутри бассейна включалась подсветка, дно казалось ярко-зелёным газоном, что создавало впечатление странной забавной шутки. Вокруг расставлялись лёгкие столы со стульями, и отдыхающие, потягивая пиво и освобождая солёные миндальные орешки от скорлупы, лениво наблюдали за тем, как гастролирующие русские артистки показывают восточный танец, в неискренней истоме заламывая руки и мелко дрожа плоскими животами. «Слишком много отточенной, холодной техники. Ни капли соблазняющей страсти!» – вскользь подумал Геннадий, когда, впервые присоединившись к зрителям, закурил сигару и принялся с

интересом разглядывать публику, состоящую в основном из иностранцев.

На соседнем балконе, за толстой оранжевой стеной, сейчас кто-то из них громко ругался, мешая английские слова с испанскими, и, видимо, швырялся одеждой. Опускаясь в шезлонг, Геннадий успел заметить, как в воздухе за перилами промелькнул яркий, разваливающийся на лету ком. Множество тонких цветастых вещей ворохом посыпались вниз. Грубая волосатая рука ударила ладонью по перилам, мужской хриплый баритон сорвался от напряжения в удушливый шёпот:

– Por que, por que lo estas haciendo por despecho¹?!

Ему ответил приятный женский голос, звучащий неторопливо и немного покровительственно:

– It only seems to you, – женщина говорила с небольшим акцентом, старательно выговаривая слова. – I just want to relax, I just want to relax² – настойчиво повторяла она.

Вероятно, не сдержавшись при виде упавших за балкон вещей, она презрительно и резко сказала:

– Estoy cansado de ti³ – И тут же глубоко, гортанно захохотала, чем страшно разозлила собеседника.

Захрипев, тот стал носиться по балкону, натываясь на стены, опрокидывая мебель. Внезапно остановился, прокричал

---

¹ Почему, почему ты всё делаешь мне назло?! (исп.)

² Тебе кажется. Я только хочу отдохнуть, я только хочу отдохнуть! (англ.)

³ Как ты мне надоел! (исп.)

«Rascal! Rascal⁴ и убежал. Выждав несколько минут, женщина подошла к перилам.

– Don't come back⁵ – упрямо крикнула она вниз.

По звукам Геннадий понял, что за стенкой поправляют пластмассовую мебель, разбросанную мужчиной. Подвинув стол со стульями, женщина шумно упала в шезлонг, после чего наступила тишина. Геннадий в недоумении качнул головой, пытаясь представить живущих по соседству людей, то и дело напоминающих о своём присутствии криками и смехом. Он приехал два дня тому назад, но всё ещё не видел их, а только слышал через открытую балконную дверь, как мужчина разговаривает по телефону, нетерпеливо расхаживая по балкону, и как смеётся женщина.

Геннадий невольно прислушивался к смеху, который, как набегающие на горячий песок волны, был игрив и мягок. Иногда он улавливал дразнящие нотки, казавшиеся сигналом к действию, словно незнакомка, чувствуя присутствие постороннего мужчины за стенкой, обращалась к нему с тайным призывом. Несомненно, это только казалось, вероятно, потому, что, как всякий нормальный сорокалетний холостяк, полный сил и здоровья, Геннадий пребывал в ожидании нового романа и поэтому во всём искал его приметы.

– У вас есть закурить? – вдруг раздалось за стеной.

«Это мне? – вздрогнул Геннадий. – Или горилла верну-

---

⁴ Каналья! Каналья! (англ.)

⁵ Не возвращайся! (англ.)

лась? Они что, на трёх языках между собой разговаривают?»

– Я к вам обращаюсь, – немного нервно сказала женщина и постучала чем-то твёрдым по стене.

На русском её голос звучал более естественно, стал понятен акцент: бесспорно, это была соотечественница.

– Что вы там сидите и пыхтите? Всегда слышу, как вы пыхтите сигарой. Не хотите угостить? – повторила она.

– Не курю до завтрака. В данном случае не «пыхчу», а слушаю, как вы ругаетесь.

– Ну, это всё равно. Так угостите?

– Пожалуйста, сейчас принесу, – сказал Геннадий, вставая, но женщина крикнула:

– Не надо! Я приду!

Он едва успел накинуть халат, как бойкая соседка энергично заколотила в дверь и, стремительно войдя в номер, так же стремительно сунула ему в руки початую бутылку виски.

– Как же ваш муж? – оторопело спросил Геннадий, отступая под напористым видом женщины вглубь комнаты. – Наверняка будет недоволен. Да и я не хочу быть растерзанным за глоток виски, толком не отдохнув перед гибелью. Было бы глупо!

– А! – звонко щёлкнула гостья пальцами. – Теперь до обеда не придёт, пошёл штангой ворочать, нервы успокаивать. Так что наливайте!

Она с размаху села на диван, раскинув руки по круглой спинке, отчего рукава её шёлкового кимоно расправились,

превратившись в два ярких крыла. Женщина сдвинула колени, устроив ноги таким образом, чтобы причудливые, в восточном стиле туфли-сабо на высоких каблуках стояли устойчиво. Ей было лет тридцать пять, не более. Яркая, большеглазая, с задорным пучком тёмно-русых волос на затылке, она показалась Геннадию птицей, волшебным образом попавшей в комнату.

– Или вы утром не пьёте? – рассмеялась незнакомка, заметив, с каким изумлением смотрит на неё Геннадий. Она поморщилась. – Ах, забудьте на время о своих привычках! Отпуск. Не всё ли равно, когда пить, если можно весь день спать, а ночью купаться?

Геннадий открыл коробку с печеньем, плеснул на дно стаканов виски и присел напротив в кресло, пытаясь по словам женщины догадаться о цели её визита.

– Как же ваши вещи? – спросил он. – Может быть, сходить подобрать?

– Не беспокойтесь! Завтра мне купят в десять раз больше. Так всегда – сначала выбросит, а потом покупает. Мне даже нравится! – Гостья сумрачно усмехнулась.

Пригубив стаканы, они поставили их на столик, продолжая в упор разглядывать друг друга.

– Я видела, как вы приехали утром, шла в это время от парикмахера. Вы были в белом костюме, в шляпе... Пижон! Вы понравились мне. Я подумала, почему такой видный мужчина путешествует один, без дамы?

– Я разведён, – сухо ответил Геннадий.

– Вот как? – искренне удивилась женщина и сделала неожиданный вывод: – Вероятно, вы смелый человек. Вечером я заметила вас на этаже и поняла, что мы соседи. Стала ждать случая, чтобы познакомиться. Как удачно!

– Странно, что я не заметил вас раньше, ведь вас нельзя не заметить, вы слишком хороши, – улыбнулся Геннадий и поспешил уточнить, увидев, какой радостью осветилось её лицо: – Неправдоподобно, вызывающе хороши!

– А это плохо, нескромно, по-вашему? – спросила она, осторожно надкусывая печенье и стараясь, чтобы не посыпались крошки.

– Отчего же? Как может быть нескромным свет яркой лампы? Думаю, что, попадая в идущее от вас освещение, каждый мужчина чувствует себя мотыльком, летящим на свою погибель...

– Вы чувствуете себя насекомым? Вам это неприятно? Вам страшно?!

– Не могу сообразить. Но мои тайные инстинкты предупреждают меня об опасности!

– Ах, как быстро вы сдались! – воскликнула самодовольно женщина и отхлебнула виски. – Не бойтесь. Для вас я сделаю исключение, убавлю свет. Я хорошо разглядела: классический блондин с голубыми глазами, с обворожительной бородкой. Для таких, как вы, яркий свет вреден, быстро обгораете. – И добавила, вставая: – Есть хочется. Пойдёмте зав-

тракать!

Она вышла из номера так же стремительно, как и вошла, оставив после себя лёгкий запах утреннего крема и туалетной воды, а на журнальном столике стакан с недопитым виски. «А как же сигара?» – хотел крикнуть Геннадий, но передумал. Быстро скинув халат, натянул шорты, майку и выскочил в коридор, всё больше волнуясь. Минут через пять появилась женщина. Вместо кимоно на ней был красный сарафан, глубоко открывающий грудь, а вместо сабо золотистого цвета танкетки на острых каблучках. В боковом кармашке маленькой сумочки торчал сложенный веер. Ласково взглянув на Геннадия, женщина удовлетворённо вскинула голову, тряхнув распущенными волосами, и молча пошла впереди него.

Пока они шли по коридору не разговаривая, пока ехали в лифте, сверкающем зеркалами, пока заходили в огромный зал гостиничного ресторана, где на его спутницу стали оглядываться, Геннадий понял, почему злился волосатый испанец. «Вот кому надо исполнять танец живота... – думал он про спутницу, чувствуя всё возрастающий восторг. – Если бы она была моей, я бы точно убил её или себя, вздумай она с кем-нибудь кокетничать». В молодой женщине не было ничего особенного, если не считать гармоничного сложения: средний рост, небольшая круглая грудь, мягкие плечи, талия, подчёркнутая узким фасоном сарафана, в меру полные бёдра, ноги с крепкими икрами и узкие ступни – всё выгля-

дело бодро, здорово, но вполне обыкновенно. Но то, как она двигалась, грациозно и сдержанно, словно готовясь к танцу, выделяло её из толпы и делало невероятно привлекательной.

Она как будто плыла, уверенно и скоро, пространство расступалось перед ней, словно перед кинозвездой или перед одетым во всё парадное маршалом. Её полные изящества жесты достигали совершенства, когда женщина огибала столик, отклоняясь, чтобы не коснуться его бедром, или когда встряхивала веером, резко и надменно, будто мулету впереди себя выбрасывала! Так и хотелось тотчас кинуться на властный взмах её руки! Приглядевшись, Геннадий понял, что только слишком влюблённому в неё человеку, к тому же большому ревнивцу, могло показаться, что делает она это специально, в то время как женщина не умела вести себя иначе.

Её лицо, в отличие от правильной фигуры, не казалось гармоничным. Напротив, в нём чувствовался лёгкий диссонанс между невысоким лбом, длинноватым носом, большими коричневого цвета глазами и маленьким сочным ртом. Можно было подумать, что лепивший её мастер с особой тщательностью потрудился над фигурой и немного поспешил с лицом, оставив его напоследок, отчего в лице ощущалась тонкая небрежность, которая, надо сказать, пошла лишь на пользу, придав облику женщины неповторимый шарм и обаяние.

Они выбрали, каждый себе, завтрак, присели за круглый столик, рассчитанный на двоих, и познакомились наконец.

За едой Элла рассказала свою историю, сделав это искренне и смело, что нередко случается при встрече с чужим человеком.

– Я рано вышла замуж, в восемнадцать лет, когда училась вместе с ним, – тут она махнула головой в сторону спортзала, – в московском институте. Он старше на пять лет. Очень пылкий! Не поверите, как увидел меня, упал на колени и закричал: «Вы самая красивая девушка на свете! Хотите, буду вам служить?» На испанском языке закричал, но я его сразу поняла и согласилась. Так и служит до сих пор. После института, в девяносто первом, увёз меня сюда, в Испанию, поселил на винограднике и выполняет все мои желания, кроме одного. Не любит, чтобы я ездила в Россию, боится, что сбегу, хотя зря. У нас два сына, девяти и семи лет. Муж готов принять всех моих родственников, всех друзей, лишь бы я к ним не летала. Вот сюда только и выезжаем, потому что тут много наших, есть с кем поболтать и немножко отвлечься.

Элла замолчала, сосредоточив внимание на гамбургских колбасках, которые она густо смазывала горчицей. Затем не спеша выпила кофе и приступила к инжиру, аккуратно разламывая винную ягоду на две части.

– Нет-нет! – усмехнулась она, поймав на себе грустный взгляд Геннадия. – У меня всё хорошо, на самом деле! О чём можно мечтать? Я же понимаю. Только иногда вдруг так тошно делается на душе, хоть волком вой. Как будто что-то упустила или потеряла. Почему? Не знаете?

– Вы сами прекрасно знаете почему, – сказал Геннадий очень серьёзно.

Он покончил с беконом и ел французскую булочку. Подождал вопроса и, не дождавшись, произнёс, не глядя на Эллу, другим, более откровенным тоном:

– Твоя жизнь как сказка, в ней не хватает беглого штриха, какого-то изъяна, чтобы сделаться похожей на правду.

– Никаких штрихов! Тем более беглых! – довольно резко ответила Элла и тихим шёпотом добавила: – Его брат матадор. Вы бы видели, как убивают несчастных быков!

Встряхнув веером, она спряталась за красным нарисованным драконом.

– Но вы-то не участница корриды! – воскликнул Геннадий.

Положив булочку на блюдце, он отодвинул веер. Округлившись глаза Эллы блестели, как горячий шоколад.

– Ты спрашиваешь, что ты потеряла? Может быть, встречу со мной? Как думаешь? Или наш с тобой отпуск в деревне, где пруд и ромашки?

– Это слишком, – ударила Элла веером по столу и медленно, словно нехотя выговорила: – Ты не имеешь права. Я была с тобой откровенна не для этого... ухожу.

Она встала, несмотря на умоляющий жест Геннадия, не позволив дотронуться до себя, усмехнулась, привычная к более грубому обращению, и пошла. Геннадий смотрел на грациозную спину женщины, на её волосы, отливающие пепель-

ным оттенком, на мелькающие под сарафаном внутренние стороны коленей, на тонкие загорелые щиколотки и думал о том, что отпуска, на который он настроился – спокойного, ленивого, такого отпуска не будет.

Он приехал на средиземноморский курорт не за романом. Хотелось выспаться, поплавать, прожариться на солнце ради собственного здоровья, но вдруг попал под обаяние женщины, с которой познакомился лишь час назад, за поцелуй с которой готов отдать весь отпуск! Куда подевалась холодная рассудочность разочарованного в любви человека? Где та ирония, та заведомая лёгкость к случайным связям, не допускающая намёка на их продолжение? И как быть с тем, что творилось сейчас в душе, напоминая о юношеских мечтах, несбывшихся и давно забытых?

Женившись по любви, Геннадий прожил с женой пять лет, большая часть из которых пришлась на её отъезды к родителям. Приняв спокойный нрав супруги за глубину натуры, он постепенно убедился, что за спокойствием скрываются неразвитость чувств и эгоизм. В жене не было не только любви к нему, своему мужу, но даже простого любопытства. Ей было безразлично, в каких рубашках он ходит, с кем водит дружбу, когда отмечает профессиональный праздник юриста. Святое братство афганцев-однополчан осталось для неё пустым звуком.

Три года назад он развёлся, не выдержав упрямо-вялого, равнодушного ко всему, кроме собственной персоны, харак-

тера жены. Расставшись, утешил себя короткими романами, а вскоре пришёл к выводу, что никакая влюблённость в подмётки не годится той молниеносной страсти, которая, вспыхнув, как сухие щепки в костре, сгорает, оставив после себя дымок приятных воспоминаний. Это держало в тонусе, а кроме того, освобождало от обязательств. По опыту зная, что не стоит разводить сантименты, умея контролировать себя, Геннадий глядел на удаляющуюся спину Эллы и с каждым её шагом чувствовал, как ломаются его представления о счастье. Оказывается, он всегда мечтал о такой женщине и сейчас хотел лишь одного – быть с ней рядом.

Вечером того же дня он познакомился с мужем Эллы, когда супруги вышли из номера и почти наткнулись на Геннадия, уже полчаса караулившего их. Это оказался очень жилистый, смуглый, необычайно вёрткий высокий мужчина с пронзительным взглядом чёрных, светящихся хищным блеском глаз. На нём были короткие шорты с лёгкой рубашкой, и там, где заканчивалась одежда, начинались густые курчавые волосы, покрывавшие всё тело испанца. На шее висела массивная золотая цепь, утопающая в кущах буйной растительности на его каменной груди, а на безымянном пальце правой руки красовалось широкое золотое кольцо с бриллиантами. Элла снова была в сарафане, теперь уже орехового цвета, и тоже с крупной цепочкой на шее. Широко взмахнув газовым шарфиком, женщина накинула его на плечи и приветливо шевельнула бровями в сторону Геннадия.

– Hi! – сказала она.

– Buenas tardes! – ответил Геннадий и пошёл с ними рядом.

– Наш сосед? Жена говорила про вас, она из России, ей будет приятно пообщаться, – произнёс хриплым голосом испанец и вежливо представился, слегка наклонившись вперёд: – Антонио. Мы здесь неделю. Вода, обстановка не сравнятся с Андалусией, но тоже неплохо. Элла любит это место, ждёт не дожждётся, когда поедет. Все русские почему-то любят Каталонию, хотя к нам ближе Атлантика. Там тише.

Всё это он сказал по-простому, с едва скрываемой обидой на жену, сильно картавя звуки, но грамматически правильно. Геннадий назвал своё имя и спросил, не составит ли Антонио партию в бильярд? Тот согласился. Сразу после ужина они втроём спустились в бильярдную комнату, расположенную под рестораном, и Геннадий в два счёта обыграл испанца, который от неожиданности не успел удивиться, только хмыкнул и поинтересовался, хлопнув в ладоши и хитро прищурившись:

– А вот так можешь?

Опершись правой рукой, чуть согнутой в локте, о стол, он легко подпрыгнул и замер, распластав своё тело над зелёным сукном.

– Согласен! Ничья! Можно выпить, – засмеялся Геннадий, посмотрев на Эллу.

В продолжение игры она с любопытством наблюдала за

мужчинами и, кажется, осталась довольной проигрышем мужа.

В баре звучала испанская музыка, всё искрилось от разноцветных ламп, подвешенных высоко под потолком над танцевальной площадкой. Было шумно, весело, жарко. Антонио быстро напился и от разговоров о мировой политике вернулся к любимой теме.

– Вы знаете, почему моя жена пьёт только виски? – спросил он, наклоняясь через стол к Геннадию, и сам ответил с победоносным выражением лица: – Потому что виски похож на русский самогон! Вот почему она пьёт только виски, – угрожающе повторил Антонио, с пылающим взглядом обращившись к Элле, – мне назло! Всегда, везде мне назло. Назло!

Несчастный с таким гневом откинулся на спинку кресла, что его отбросило назад и он ударился грудью об стол.

– Por favor deténgase, es molesto⁶, – сказала ему Элла, закуривая.

– No me detenerme. Hasta fumas a propósito para enfadarme⁷, – упрямо повторил Антонио и совсем уже с обидой, почти детской, произнёс, обращаясь к Геннадию: – Она не любит сангрию. Скажите мне, пожалуйста, как можно не любить сангрию?! А?

Ревнивец поднял вверх бокал с кроваво-красным напитком.

---

⁶ Перестань, пожалуйста, это неудобно (*исп.*).

⁷ Не перестану. Ты и куришь мне назло (*исп.*).

ком, в котором плавали крупно нарезанные фрукты, потрясем в воздухе, грозя разлить, и с размаху допил вино. После этого вытряс себе в рот кусочек апельсина и громко стукнул бокалом об стол.

– Танцуй! – приказал Антонио угрюмо, закрывая глаза и отворачиваясь от жены.

– Что это значит? – спросил удивлённо Геннадий, жалея, что согласился выпить с неистовым испанцем.

– Всегда так, – тихо пояснила Элла. – Я люблю танцевать. Он это знает. И чтобы доставить мне удовольствие, заставляет, когда сюда приезжаем, – вроде чтобы я душу отвела. Бойся, что, вернувшись домой, буду грустить. Изверг.

Элла стянула с плеч шарфик и, бросив его на колени мужа, встала. Её прекрасные глаза сверкали решимостью.

– Что ж, этим надо воспользоваться, – обмирая от счастья, что сейчас обнимет Эллу, ответил Геннадий и подал руку.

Элла прикоснулась к его ладони кончиками пальцев, но этого было достаточно, чтобы испытать неземное блаженство, незнакомый восторг, во сто раз сильнее того, что ему приходилось испытывать раньше, будучи распалённым случайной связью. От приступа нежности Геннадию захотелось подхватить Эллу на руки, завертеть, закружить любимую, но, оглянувшись на сердитого испанца, лишь крепче сжал её пальцы и вздрогнул, почувствовав ответное пожатие.

Прошли в центр зала, несколько смущённые возможностью побыть вдвоём, ожидая чего-то важного от танца. Об-

нялись, тесно прижавшись друг к другу, и стали тихо двигаться, не попадая в такт музыке, не слыша зажигательного ритма. Элла опустила голову ему на грудь, Геннадия послышалось, что женщина плачет.

– Что с тобой? – спросил он её в самое ухо. – Ты плачешь?

– Мне кажется, я люблю тебя, – ответила Элла, не поднимая головы и крепче к нему прижимаясь.

– Почему же «кажется»?

– Потому что это отпуск, море, солнце и моя уходящая молодость...

– Пусть так, – сказал Геннадий.

Ему вдруг сделалось спокойно и хорошо на душе, как будто он снова вернулся из Афганистана, оставив позади два страшных года, наполненных ужасами войны, и теперь знает, что всё случайное закончилось и что вот-вот начнётся счастливая жизнь.

– Пусть так, – повторил он убеждённо. – Но какая разница, в каких обстоятельствах, при каких условиях ты меня любишь? Ведь это не меняет того, что мы чувствуем! Какое значение имеет то, что находится вне нас? Я тебя люблю. Полюбил в тот самый момент, как услышал. Ты как будто звала меня.

Геннадий вопросительно заглянул в ласковые глаза Эллы. Увидев, что на её лице появилась улыбка, замолчал. Больше они не разговаривали. Ощущая рядом с собой ровное дыхание, Геннадий подумал: «Вот было бы здорово, если бы этот

чёртов Антонио куда-нибудь исчез! Провалился бы в преисподнюю, где ему самое место, судя по его бесовскому обличению!» Но испанец никуда не провалился, остался на месте. Семь дней отдыха он как привязанный ходил по пятам жены, не давая возможности развлекаться, и строил из себя обиженного, обделённого её вниманием человека. Всем жаловался, рассказывая, как Элла – назло ему! – ходит в бикини, и без конца упрекал жену в бессердечности.

Геннадий тоже не оставлял Эллу, всегда бывая там, где бывала она в сопровождении ревнивого мужа. Он мучился не меньше Антонио, наблюдая за тем, как Элла плавает, загорает, как играет в пляжный волейбол. Отдых превратился в напряжённое ожидание новых встреч, за которыми, Геннадий знал, не последует ничего, кроме ласковой улыбки. Но и эти улыбки, брошенные, когда Антонио смотрел в сторону, сделали своё дело. Геннадий потерял голову. Мысль о скорой разлуке ужасала его. «Может, поехать за ними, притворившись путешественником или другом? Или наняться работником на виноградник? Глупо! Глупо! Но что же делать?» – думал он, зверея от невозможности найти выход...

Урывками он рассказал Элле о службе в Афганистане, о том, как был ранен и демобилизован. О том, что это спасло его: весь взвод вскоре погиб. Рассказал об учёбе в университете, о работе, о разводе с женой, о привычке пить кофе на ночь. Глядя на сосредоточенность, с которой Элла слушала, Геннадий любил её ещё сильнее, он будто стремился наго-

вориться наперёд, предчувствуя впереди пустоту. Однажды улучил момент и спросил, имея в виду постоянные придирки Антонио:

– Он и дома такой? Как ты терпишь? Никогда не хотелось уехать?

– Нет, дома легче, там ведь кругом один виноград. И наши дети, – ответила с усмешкой Элла, и выражение глубокой грусти появилось на её лице.

...Она пришла к нему ночью, накануне отъезда, чем страшно напугала Геннадия.

– Ты здесь?! А твой цербер?! – шёпотом закричал он, открывая дверь в первом часу ночи и в каком-то жутком восторге кинувшись целовать Эллу. – Я за тебя боюсь.

– А! – щёлкнула пальцами Элла, как в первый день их знакомства. – От радости, что завтра наконец уезжаем, пьёт в баре. А вернётся без меня, скажу, что гуляла! Пусть!

Она порывисто обхватила голову Геннадия руками и стала целовать его – сильно, жадно, словно воду пила в летний зной. В ответ он крепко обнял женщину, ощущая, как мелко дрожит её тело под прохладным на ощупь кимоно, как она сбрасывает сабо, становясь меньше ростом, и как выскальчивает из его рук на покрытый ковровой дорожкой пол...

Часа в три ночи она заснула, безмятежно и спокойно, а он лежал рядом с ней в широкой кровати и курил, размышляя над тем, как же он её отпустит после всего, что произошло между ними? После её слов и его обещаний? После общих

надежд? А если отпустит, то как он будет без неё? Дикость! Неправда. Нелепость...

В пять часов он разбудил Эллу, сказав, что, наверное, пора. Вдруг испанец вернулся?

– Пусть! Это неважно! Помни, я люблю тебя, – целуя его в плечо, с улыбкой ответила Элла, накинула на себя кимоно, сунула ноги в сабо и ушла.

Как только дверь захлопнулась, Геннадий провалился в тяжёлый, беспокойный сон. Очнулся он оттого, что лучи поднявшегося солнца прорвались между портьерами и били в глаза. Прикрывшись халатом, выбежал в коридор; соседний номер был открыт, в нём убиралась горничная, чернявая женщина в белом переднике с ажурной коронкой на голове. Она посмотрела на взъерошенного туриста и равнодушно сказала:

– Se acaban de ir⁸.

В течение нескольких последующих лет Геннадий продолжал летать в Каталонию, в приморский город, где познакомился с Эллой. Бродил по отелям и пляжам, внимательно разглядывая отдыхающих, но ни разу так и не встретил Эллу. Через пять лет хотел продать свою московскую квартиру и уехать в Андалусию, чтобы пешком обойти все виноградники, но вместо этого женился на женщине младше себя на двадцать лет, а ещё через год превратился в скучного, брюзжащего человека, надоедающего молодой жене бесконечно-

---

⁸ Съехали (*исп.*).

ми придирками. Ему всё время казалось, что всё, что она делает, она делает ему назло.

Январь 2012, Китай

Сапфо

На нашем курсе все звали её Сапфо, хотя она была просто Машей, Марией. По имени к ней никто, кроме преподавателей, не обращался. Мы считали, что она очень похожа на греческую поэтессу, жившую так давно, что и вообразить трудно. Сходство тем более изумляло нас, что не признать его было невозможно. Если, конечно, портрет в учебнике был портретом Сапфо, а не какой-нибудь неизвестной гречанки. С другой стороны, если и так, всё равно удивительно! Ведь Марию и ту, на которую она была похожа, разделяло больше двух тысяч лет!

Мы заметили сходство на одном из семинаров, когда рассматривали иллюстрацию – фреску с изображённой на ней поэтессой: слегка прикоснувшись тонкой палочкой для письма к своим губам, Сапфо задумчиво смотрела мимо нас. Кто-то воскликнул: «О! Ну просто вылитая Дудкина!» Все обернулись на Машу, сидевшую в последнем ряду. Отложив в сторону учебник по античной литературе, она мечтательно смотрела в окно. Похожесть было поразительной – такое же овальное, несколько удлинённое лицо, прекрасные крупные глаза, великолепной формы нос с небольшой горбинкой, маленький круглый рот и мелкие тёмные кудряшки вокруг головы. Только кожа была менее смуглой, чем у Сапфо; вместо загара по Машиным щекам бегали яркие весёлые веснушки.

С того и пошло – Сапфо.

Мария не возражала, Сапфо так Сапфо, неплохой вариант по сравнению с Ватрушкой, например. Это слово прилипло к ней в детском саду после того, как в ответ на вопрос воспитательницы: «Что бы ты хотела получить в подарок от Деда Мороза?» – Маша, не задумываясь, сказала: «Ватрушку! С творогом». Так её и дразнили вплоть до третьего класса и отстали лишь тогда, когда Маша, проявив скептицизм, перестала обращать на глупые насмешки внимание. И сейчас, в ответ на колкости относительно любовных пристрастий далёкой поэтессы, иронично отвечала:

– Эх, глупые вы люди, ничего не понимаете в жизни. Древние греки ценили красоту – прежде всего физическую. Воспевали её! Воспевали чувства, вызванные красотой. Вы же хотите всё свести к банальной лесбийской любви. Нет, это слишком просто. Сапфо – поэтесса! Известно ли вам, что её уважали мужчины-поэты? За ум и новшества в стихосложении?

Мария вдохновлялась своими рассуждениями, будучи готова рассказывать и дальше, но вскоре останавливалась, видя, что подобной серьёзности от неё никто не ждёт – этого хватало в учёбе – и замолкала. Она много читала, слыла умницей, эрудитом и всегда имела собственное мнение. Но вот своих сигарет у неё никогда не было, поэтому все знали, что она скажет, когда забежит на большой перемене в курилку: «Ну, кто угостит меня?» – и заранее отворачивались от её

насмешливого, настойчивого взгляда, потому что Машкина привычка клянчить всем надоела.

А она стояла рядом, продолжая давить на сознание: мол, некрасиво, вы что, не друзья? И кто-нибудь из парней нехотя протягивал сигарету. Мария брала её, ждала, пока кто-то другой протянет спички, и с наслаждением закуривала. Вдыхая, она поочерёдно прищуривала то правый, то левый глаз, а когда выпускала дым, всегда старалась направить его подальше от себя, чтобы родная бабка, у которой она жила, не учуяла запаха сигарет. Для верности Машка издавала громкое «фу!», вытягивая губы трубочкой, но дым всё-таки опускался на неё, и тогда она начинала махать руками, отгоняя его от себя.

Парни терпели Марию, потому что она не кокетничала с ними, как остальные девчонки, и не ждала от них ничего, кроме сигаретки да разговора. Она считала себя некрасивой; возможно, из-за большого носа и рыжих веснушек, а может быть, чувствовала, что слишком умна, что это качество отпугивает парней, которые смотрели на неё не в том смысле, в каком глядели на других девушек. Поэтому, презируя неискренность и жеманство, она никогда не претендовала на мужские симпатии, отчего и парням было с ней легко.

На третьем курсе, осенью, Сапфо вдруг влюбилась. В пятикурсника, в пьяницу и оболтуса, считавшего себя представителем студенческой литературной богемы. Должно быть, он и впрямь был редкой личностью, в противном случае

его давно бы отчислили из университета за многочисленные прогулы и дебоши, которые он устраивал, как только напивался. Но времена тогда начались странные, в моду вошли декадентские настроения, и Жора, как их представитель, благополучно дополз до последнего курса.

Как это ни покажется удивительным, но он был тоже похож на знаменитую личность, только уже не греческого, а российского-украинского происхождения, творившую не так давно, как Сапфо, и известную своей не менее примечательной внешностью. Жора был выше среднего роста, сутуловат, с прямыми тёмными волосами до плеч, разделёнными косым пробором, у него был широкий лоб, умные, с хитринкой глаза, усики, длинный нос – вылитый Гоголь! Правда, этим именем его никто не звал даже в шутку, все знали, что Жора претендует на индивидуальность. Да, похож на Николая Васильевича, даже очень похож, но всё-таки он – Жора, любитель выпить и знаток запрещённой литературы. «Что нового можно сказать о девятнадцатом веке? – часто говорил он. – Одно слово – классика! Совсем другое дело Булгаков, Хармс, Набоков! Оригинальность, блеск!» Эти имена только начинали звучать, тревожа наше воображение своей недоступностью, а Жора знал о них, и не просто знал, он мог прочитать длинную лекцию о любом из русских писателей, покинувших нашу страну во время революции.

Если в его присутствии начинали разговор о советской литературе, он перебивал, называя идеологической паути-

ной всё написанное после двадцатого года, и принимался ругать преподавателей, считая, что их взгляды скованны «шорами социалистического реализма». Успевший до учёбы отслужить в армии и поработать истопником в железнодорожной кочегарке, Жора не находил авторитетов среди своих сокурсников, бывших младше его на несколько лет; неудивительно, что он пытался всех учить. Он обладал хорошей памятью и часто её демонстрировал, с лёгкостью цитируя отдельные фрагменты из художественных текстов и стихи. Но когда Жора находился «под парами», память нередко подводила его. Собственно, именно это обстоятельство – небольшие провалы в памяти, сделало возможным их с Марией знакомство.

Как-то, будучи подшофе, перепутав этажи общежития, Жора забрёл в нашу компанию. Мы тотчас примолкли, во все глаза разглядывая богему и сдвигаясь таким образом, чтобы Жора смог уместиться на краю тумбочки, где уже сидела Маша, тихонько покуривающая чужие сигареты и попивающая красное вино. После небольшой паузы разговор за столом продолжился. Спор шёл не о литературе, но о любви. О том, что она есть такое и как её распознать в суете жизни. Все громко кричали, представляя себя искушёнными нигилистами и горячо доказывая друг другу, что любовь – не что иное, как сплошной обман, за которым не стоит и гнаться, гораздо лучше удовлетвориться короткой влюблённостью, зная, что никто никому не обязан.

– Ха! – окинув публику насмешливым взглядом, громко сказал Жора. – Друзья мои, вы рассуждаете не как филологи. Разве вы не заметили ещё, что вся литература возникла из необходимости выразить любовные чувства? И только! Что-то иное ей не интересно. Всё остальное – как приложение к любви. Факт. И разве вы не поняли, что за любовью гнаться не стоит, она сама вас настигнет, когда ей вздумается. Не так ли?

Кто-то в ответ кивнул головой, а кто-то многозначительно хмыкнул и спросил:

– А вас уже... настигла?

– Увы, я такой же, как все, не умею любить, – ответил Жора, наливая себе вина. – Посмотрите на нас, оглянитесь! Невыразимая скука кругом! Вечно торопимся, заменяя любовь инстинктом. Думаем, что она должна блистать золотым опереньем, не понимая, что ей идут и лохмотья... Влюбляемся, бросаем своих любимых, соблазняемся на мишуру, потому что не верим. Себе в первую очередь. Да... А ведь ещё древние греки говорили на этот счёт... – Тут Жора слегка задумался, припоминая, что же в этом случае говорили греки, и с умным видом произнёс: – *Amata nobis... amata... nobis...*

Он замолчал, уставившись стеклянным взглядом в потолок.

– *Amata nobis quantum amabitur nulla*, – писклявым от волнения голосом подсказала Мария. Глядя куда-то в середину стола, она быстро, бесстрастно перевела: – Возлюбленная

нами, как никакая другая возлюблена не будет. – И громко пыхнула, выпустив изо рта дым.

– Ну, – сказал Жора, делая серьёзным лицо, – точно. – Кивнул головой и стал искать, кто это сказал.

– Вы читаете Бунина, барышня? – спросил он, удивлённо поворачиваясь на слабый писк Марии.

– «Тёмные аллеи» в основном. Это должно быть странно, не правда ли? – с иронией в голосе ответила ему Маша, справившись с волнением.

– Не по программе. А вы знаете, что Бунин написал рассказы, когда был стариком, в возрасте за семьдесят? – уже более серьёзно спросил Жора, приглядываясь к соседке, которая и впрямь напоминала цыплёнка.

От жары в комнате и под воздействием алкоголя Маша сильно вспотела, волосы прилипли к голове, придав ей жалкий вид, что совсем не вязалось с прекрасными глазами, смотревшими на Жору ласково и внимательно.

– Знаю, – ответила она. – А чувства, как в юности, свежи, чисты и глубоки.

– Всё выдумал старик. Писал о том, чего не было, но вот это и есть любовь, господа! – торжествующе воскликнул Жора и добавил, вставая: – Читайте Бунина, коллеги!

Он ушёл, а мы увидели, что Мария влюбилась. Влюбилась в одну секунду, глупо и безнадежно, потому что никто из нас не верил, что Жора хотя бы ещё раз захочет взглянуть на Саффо: слишком уж он был далёк от нас. Но мы ошиблись.

Между ними завязалось что-то вроде дружбы, если можно назвать дружбой редкие, случайные встречи, во время которых они много курили и горячо спорили о литературе.

Все мы страшно завидовали, не понимая, как это возможно. Жора и наша Сапфо?! Но так было. Жора с интересом выслушивал Машкины рассуждения, казавшиеся нам занудными, иногда возражал, но чаще соглашался, тем самым признавая в девушке достойную собеседницу. Мы изнывали от любопытства, гадая, чем всё закончится, рассуждая, что ни дружбы, ни любви между ними быть не может, ведь Жора, кроме своих критических взглядов, славился и тем, что был отъявленным ловеласом.

Он всегда появлялся в окружении старшекурсниц, которые, словно стая крикливых галок, бежали за ним по коридору общежития, подпрыгивая на высоких каблуках и заглядывая ему в рот: что Жора скажет? куда пойдёт? Умная Мария, подкараулив шумную компанию, внезапно выростала на их пути. «Привет», – говорила она равнодушно и просила закурить, помахивая в воздухе пустыми пальцами. В такие минуты Жора больше, чем обычно, вглядывался в Машины глаза, стараясь угадать их настроение; а когда наконец сообразил, что Мария его ревнует, очень расстроился.

– Плохо это, Сапфо, – печально сказал он, отведя её в сторону от «галок» и давая прикурить, – ничего у нас с тобой не получится, ты же это знаешь лучше меня.

– Отчего же? Я хуже, чем эти... разукрашенные? – Маша

кивнула головой на девиц, окинув их презрительным взглядом.

– Ты лучше.

– Так в чём же дело? – нетерпеливо спросила она.

– В том, что мы влюбляемся лишь однажды...

– Ты влюблён?! – прошептала несчастная Сапфо.

– Я пьян. Этот факт неоспорим, а всё остальное под вопросом, – ответил ей Жора и предложил выпить. Мария отказалась.

В течение следующей недели она забрала из деканата свои документы, упаковала вещи, купила билет на поезд и уехала, не попрощавшись с Жорой, в родной сибирский город, где тоже был университет, где жили её родители. Жора скоро кинулся искать Сапфо, но, узнав, что она уехала, не удивился.

– Правильно и сделала, так будет правильнее, – произнёс он без всякого выражения на тёмном полупьяном лице. – *Amata nobis quantum amabitur nulla...* Тут нечего добавить.

Октябрь 2011, Китай

Лягушка

Аля бодро вышагивала по улице, напевая мелодию, одну из тех, что слушала её двенадцатилетняя дочь, увлекающаяся зарубежной эстрадой. Зажигательный ритм в стиле диско как нельзя лучше соответствовал приподнятому настроению Алевтины. Она только что встретила студенческую подружку, с которой последний раз общалась по телефону лет десять назад – как раз перед тем, как переехать всей семьёй в Ялту. Ну кто бы мог подумать? Встретились на улице, среди бела дня! Хотя почему бы и нет, чему удивляться? Курортный город на берегу Чёрного моря, сюда все едут отдыхать. Да, все, но не Людмила. Она, говорят, всё больше по иностранным курортам мотается со своим мужем-бизнесменом. Надо же, подумала Аля, и к нам, грешным, залетела!

Они столкнулись на большом перекрёстке в центре города, недалеко от кинотеатра, и в восторге уставились друг на друга.

– Люда? Ты?! – Алевтина с восхищением разглядывая модный наряд Людмилы: белые льняные брюки, блузку с тонкой вышивкой по краю горловины и шляпу, огромные поля которой наполовину закрывали лицо женщины. – Если бы не твоя шляпа, прошла бы мимо! Шляпа уж больно привлекает внимание. Захотелось взглянуть, кто под такой красотой прячется? Потрясно!

– Алька! Откуда? – воскликнула удивлённая Людмила, несколько смущаясь от похвал и обнимая подругу.

– Я теперь здесь живу! В девяносто пятом, девять лет назад, уехали из Томска. В редакции, где мы тогда с мужем работали, произошла небольшая заварушка со сменой власти, мы и слиняли от нового руководства. Шеф Влада переехал в Ялту и его за собой потащил, в банк, в группу, так сказать, поддержки, теперь это модно; и я там же имиджмейкером пристроилась. Клёво! Свою хату сдаём в Сибири, здесь снимаем.

– Люди вырываются сюда на десять дней, чтобы отдохнуть, чтобы почувствовать себя сибаритами, а ты здесь живёшь? Несправедливо! Ой, как я рада! Ну пойдём посидим где-нибудь! – предложила Люда.

– Нет! Сори, сори, дружище! Не могу, мчусь по поручению. Давай завтра у меня, в девятнадцать вечера? Вот адрес. – И Алевтина, черкнув несколько строк в рабочем блокноте, оторвала листочек и протянула его Людмиле. – Приходи вечером – пошуршим! Ты с мужем? Где остановились? Надолго?

– Впереди неделя блаженства! Конец августа, надо успеть, пока лето не закончилось, – ответила Людмила и назвала гостиницу. Заметив, как улыбка Алевтины медленно поползла вниз при упоминании самого престижного ялтинского отеля, поспешила добавить в своё оправдание: – Фирма платит... – И постаралась сменить тему разговора, не желая

уточнять, что это фирма её мужа. – Ты совсем не изменилась, ну ни капельки!

– Всё так же похожа на лягушку? – бесстрашно уточнила Алька, давая понять, что она по-прежнему «своя», без претензий.

– Скорее, на Царевну-лягушку, – уточнила Людмила, напирая на слово «царевна».

– Да не тушуйся ты, всё в ажуре! – успокоила подруга. – Ты же знаешь, как я к этому относилась, мне по барабану. – И громко рассмеялась, увидев, как сконфузилась старая знакомая.

Это была неправда. В студенчестве Алька очень болезненно реагировала на брошенное в её адрес слово «лягушка». Краснела, надувая щёки, и откровенно злилась. Это теперь было наплевать, потому что всё в её жизни было «пучком»: престижная работа в частном банке, любимый муж – высокий, узколицый Влад, две девочки, похожие на него светлыми глубоко посаженными глазами; а вот в молодости было не всё равно. Алька страдала близорукостью, поэтому с детства носила очки. Из-за толстых стёкол на мир глядели круглые, выпуклые – и впрямь как у лягушки – глаза с прямыми, невероятно длинными ресницами, которыми Алька гордилась. Её губы, неумеренно растянутые, крупные, одинаковой толщины, усиливали впечатление схожести с лягушкой. Но в целом широкое, с приплюснутым носом лицо, подвижное, выразительное, выглядело вполне симпатичным, отра-

жая шуточный нрав и острый ум Алевтины. Во всём остальном наблюдался полный порядок: она была высокой, длинноногой девушкой с волнистыми, до плеч пепельными волосами и красивыми тонкими пальцами.

На курсе Алька славилась тем, что, легко усвоив негрубый уличный жаргон, весьма грациозно использовала его в речи. Испытывая комплекс по поводу близорукости, она ловко скрывала его за язвительными смелыми насмешками, стремясь первой посмеяться над другими, чтобы не успели посмеяться над ней. Правда, её ирония часто выглядела более злой, чем это было позволительно для дружеской насмешки, её колкости задевали людей, но Альку прощали, жалея её. Зная, что она с трудом идёт на компромиссы, помня об её остром язычке, все старались держаться от неё подальше.

Сейчас она смотрела на Людмилу с нескрываемым любопытством, наблюдая, как та выпутывается из собственных воспоминаний, и думала о том, что вот уж кто ничуть не изменился, так это Людмила. Такая же, как и в молодости! Ни одной морщинки и – странное дело – ни тени макияжа на ясном лице! Ничего, кроме яркой губной помады! Впрочем, зачем тут краска? Такие женщины, как она, могут спокойно обходиться без косметики, потому что всё в её лице – чёрные брови, тёмно-зелёные глаза, устойчивый цвет слегка смуглой кожи – всё было ярко, сочно, свежо. Однако, как знать, может быть, это такая косметика, незаметная, суперская, которая и создаёт впечатление естественности?

– Из Парижа прилетели? – спросила Алька, приглядываясь к приятельнице.

– Нет, из Москвы, давно здесь не были, вот и решили...

– Как девчонки? Невесты уже?

– Заканчивают институт. А твои?

– Старшая в этом году поступила в Томский универ, младшей, соплюхе, двенадцать лет. Ну, чао?

Людмила положила листок в крохотную плоскую сумочку и, придерживая шляпу от ветра, утвердительно покачала головой, с восторгом глядя на Алевтину:

– С ума сойти! Как здорово! До завтра! – по-прежнему с удивлённым видом сказала она.

– Жду! – крикнула Алевтина, искренне обрадованная встречей, и побежала дальше, по направлению к редакции местной газеты.

Они с Людмилой хоть и не были задушевными подругами, но в прошлом их связывали крепкие взаимные симпатии. Меланхоличной Людмиле не хватало Алькиной иронии, чтобы отбиваться от парней, а Альке не хватало характерной для Людмилы притягательности. Они часто вдвоём готовились к экзаменам, это хорошо получалось, потому что Алька любила говорить, а Людмила слушать. Во время сессии она приезжала из общежития к Альке домой, и они днём спали, а ночью учились, обложившись книжками, сидя под настольной лампой. Отрывались лишь для того, чтобы ненадолго выйти на балкон, где Людмила курила.

Алька поздно вышла замуж. Когда все девчонки уже рожали по второму ребёнку, она предпринимала отчаянную, последнюю попытку выиграть битву за своего будущего мужа. В те годы она работала на городском телевидении в Томске и была озабочена не столько профессиональной карьерой, сколько тем, чтобы не пропустить своё счастье. Поэтому, когда в их коллективе появился Влад, своим небрежным, растрёпанным видом напоминавший бесхозного пса, она насторожилась. Тоже очкарик и любитель сарказма, он обладал аналитическим умом и до странности мягким характером, который не вязался с его острыми и злыми репортажами. С женщинами Влад общался робко, неуверенно, молчал и глупо улыбался, когда приходилось бывать в центре внимания.

Алька подцепила его без особого труда. Пару раз накормила пирожками с капустой да заверила, что он вылитый Ален Делон в молодости. Пошлое начало, но медлить было нельзя! Влад смущённо заметил, что у него есть сын... шести лет. «Ерунда!» – воскликнула Алька, уверенная, что сможет всё держать под контролем. И правда, Влад как загипнотизированный следил за ней взглядом и соглашался со всеми Алькиными предложениями насчёт шашлыка за городом или похода в кино. Лето мчалось к концу, надо было спешить наслаждаться природой. С устройством личной жизни тоже надо было торопиться, потому что за любовь Влада билась не она одна. Его жена, маленькая, тщедушная женщина, не в пример мужу наглая и крикливая, прослышав про служеб-

ный роман, решила сражаться за свою семью, но после того как Алька прилюдно несколько раз обругала её, назвав «сломанной шваброй» и «ленивой мочалкой», отступила, понимая, что не справится с поставленной задачей.

Уикенд бежал за уикендом, сближая коллег, и осенью Алька повела Влада в ЗАГС, а потом и в церковь повенчаться, чтобы на всех фронтах закрепить победу. Постригла и одела по своему вкусу, и Влад из растрёпанного разночинца превратился в аккуратного мужчину интеллигентной наружности.

Сейчас Алька думала о том, как завтра вечером шикарным жестом встряхнёт своим «пучком» перед Людмилой, покажет своего импозантного супруга, прелестных дочек и ухоженную квартирку.

– Прикинь, – сказала она вечером мужу, – кого я встретила на улице! Невероятно!

– Ну? – равнодушно спросил Влад, не отрываясь от телевизора.

– Людмилу! Из моей группы, вместе учились! Отдыхает здесь с мужем. Ништяк работёнка, видно, у мужика – представь, в «М...» остановились!

– Да ну! – удивился Влад, оборачиваясь к Альке. – Не та ли это красавица, что с тобой на фотографии, с чёрными, почти сросшимися бровями? Она вроде как рано выскочила замуж?

Влад не скрывал своего интереса, его светлые глаза вдруг

алчно сверкнули из-под очков, да так явно, что Алька вздрогнула. Хотя, возможно, это был отблеск лампы. Возможно, Влад шутил, ведь он такой: иногда не поймёшь, смеётся или говорит серьёзно...

– С декольте? С такой вот грудью? – уточнил муж, руками показывая размеры чужого бюста. И мерзко улыбнулся, облизнувшись, как уличный кот при виде еды рядом с помойкой. – Немудрено, такое не залёживается долго, – сказал он с видом знатока.

«Вот это новость! Влад не забыл мои старые фотографии!» – неприятно поразилась Алька.

Она хотела было ответить, какая, мол, Людка красавица, так себе, обыкновенная банальность, только выхоленная, но, споткнувшись на полуслове, замерла, вспомнив пышногрудую вертихвостку из маркетингового отдела банка, вместе с которой Влад готовил очередную статью. Ей показалось странным, что она не замечала этого раньше: вокруг её мужа постоянно крутились женщины, обращающие на себя внимание своими роскошными бюстами. Вот и та бледнолицая вертихвостка с четвёртым размером – как грамотно она наклонялась к столу, обнажая при этом роскошные прелести перед лицом разомлевшего Влада! Проведя рукой по своей плоской груди, Алька почувствовала, как у неё похолодело сердце. Плотоядная ухмылка мужа не понравилась ей...

– Что ж, встречаемся, что ли? Пивка с шашлычком? – весело спросил Влад, проявляя всё большее любопытство.

– Да... им некогда, вроде улетают завтра, – угрюмо ответила Алька, насупившись и замолкая.

Сообразив, что они с Людмилой не успели обменяться телефонами и что та может заявиться завтра, она решила с утра пораньше забежать в гостиницу, чтобы отменить вечеринку.

Но как ни торопилась, Людмилу она не застала.

– На пляж, должно быть, ушли, подождите немного, вернутся к завтраку, – сказали ей внизу, предлагая посидеть в фойе, но Алевтина отказалась.

Она быстро написала записку, в которой просила Людмилу не приезжать в гости, потому что «какая жалость! Проклятая работа, снова отправляют в командировку! Буду через неделю, надеюсь застать тебя!» На душе было мерзко и тревожно. Альке казалось, что в окружающем мире что-то стронулось со своих мест и исчезло. Провалилось в никуда. Это было страшно, потому что было непонятно, чего именно не достаёт, что именно изменилось и что именно исчезло. В появившейся пустоте она чувствовала угрозу для своих отношений с Владом.

Обедала Алька в этот день, как всегда, вместе с мужем, в ближайшей от банка столовой. Долго ждала его, а может быть, так показалось, что долго, и когда он вошёл в маленький зал, направившись к ней энергичной, подпрыгивающей походкой, она ещё больше сжалась, усматривая что-то новое в нём. Почему-то подумалось про пирожки, которые Алька

давно перестала печь, и про Алена Делона, о котором она забывает напоминать...

– Видел твою... – сказал оживлённо Влад, подходя к столику и опускаясь на стул рядом с женой, – ...видел твою Афродиту случайно. В банк заходила, деньги снимала. Ну я тебе скажу, такую ни с кем не спутаешь! Хороша! Ещё красивее стала. Хотел подойти, но... вроде незнакомы. Похожа на кошку: взгляд ласковый, любопытный, без капли насторожённости... Хороша! – повторил он и, поправив очки, пристально взгляделся в Альку – А ты? Что с тобой сегодня? Какая-то странная... Ты надела линзы? Точно! – догадался он. – Вместо очков. Зачем? Хотя... знаешь, давно тебе хотел сказать, в очках ты сильно похожа на лягушку, – весело, не задумываясь произнёс Влад и склонился над тарелкой горячего борща.

Ноябрь 2011, Китай

Ночной разговор

Было около двух часов ночи, когда я оторвался от письменного стола и собрался идти спать, как раздался звонок. Поднял трубку, досадуя на себя за то, что заранее не отключил телефон, и услышал голос друга из Америки. Надо полагать, он пошёл на обед и, съев говяжий стейк, зачем-то вспомнил обо мне, не подумав, что разница во времени между Америкой и Китаем двенадцать часов и что я могу уже спать.

– Привет! – сказал друг. – Давай выпьем.

– Привет, – ответил я, – есть повод?

– Есть. Наливай!

Дотянувшись до створки бара, я достал бутылку и плеснул виски в стакан.

– Говори.

– Понимаешь, Джессика упала с велосипеда! Она сломала руку, – начал приятель серьёзным тоном.

Зная его привычку шутить даже такими вещами, как здоровье, я перебил, не удосужившись спросить, кто такая Джессика:

– А ты на радостях решил сломать чужой сон?

– Ты жесток, – обиделся он. – Подняли?

Мы выпили, помолчали полминуты, в течение которых друг справлялся со своей обидой на мою язвительность, я же

злился, припоминая, что месяц назад был так же разбужен среди ночи и долго слушал о незнакомой мне Саре. Вздохнув, товарищ продолжил:

– Не это главное. Главное, что я влюбился. Как последний идиот!

– Ну наконец-то! – воскликнул я, заинтригованный. – Поздравляю! Не расстраивайся, так всегда бывает: поначалу чувствуешь себя идиотом, у которого вдруг выросли крылья, а потом приходишь в себя, и всё становится на законные места. Кто она? Говори!

– Ценю твою догадливость, – оскорбился приятель. – Разумеется Джессика!

– Точно ненормальный! – рассердился я и был готов бросить трубку, но услышал:

– Подожди, не кидай! На этот раз по-настоящему. Навсегда. Понимаешь, посмотрел на неё, такую жалкую, безропотную, беспомощную, и влюбился! Веришь, никогда так не любил! От сочувствия...

– Невероятно! – я не скрывал иронии. – А я сердился, когда моя недавно простыла и слегла в постель, просто из себя выходил от гнева! Ненавижу, когда жена болеет! Но позволь спросить, как же Сара? И куда подевались твои гастрономические пристрастия?! Год назад, помнится, ты влюбился в... Нину только за то, что она готовила для тебя котлеты по-киевски!

Помню, я тогда сказал другу, что в нём нет ни капли ро-

мантики, что своим отменным аппетитом он напоминает животное. Услышав в ответ лаконичное «романтикой сыт не будешь», добавил, что, если бы все относились к любви столь прагматично, как он, человечество бы до сих пор не выползло из пещер. На это друг возразил пространной тирадой о современных квартирах с взрывающимся газом, об общей оторванности от земли, о том, что пребывание в муравейнике не приносит счастья и что квартира вообще – это та же пещера, только с телевизором.

«Мы сидим по своим норам, – сказал он, – ещё более напуганные, чем миллионы лет назад, потому что придумали себе монстров пострашнее мамонтов». С этим трудно было спорить. Я заикнулся о необходимости обуздывать низменные инстинкты, первейшие с точки зрения выживания, но вредные при воспитании тонких чувств, о необходимости хоть изредка, но обращаться к высоким понятиям, хоть иногда думать о предназначении человека, зажигая в себе мысли о прекрасном. Друг расхохотался, заявив, что зажигается лишь от вида хорошей еды в обществе красотки.

Зная его упрямство, я прекратил тот спор. А сейчас понял по взволнованному голосу приятеля, находившемуся на противоположной стороне земного шара, что друг сильно изменился. Должно быть, наелся наконец. Оторвал свой взгляд от тарелки и был врасплох застигнут новым для него чувством. Любовь к еде отступила на второй план, освободив дорогу жалости.

Как и мне, Олегу было пятьдесят лет. Отличный компьютерщик, двенадцать лет назад, в двухтысячном, он уехал в Америку в надежде остаться там и найти жену. Год шёл за годом, друг выучил язык, пристроился в технической фирме, но жену так и не нашёл. При воспоминании об его неприкаянности и о нашем с ним возрасте мне стало стыдно за свои слова и за свой тон. Зачем, в самом деле, придираюсь к бедняге? Олег не обиделся при упоминании о Нине, сказав, что Джессика выше котлет.

– Она презирает кухню. Предпочитает заказывать еду по телефону.

Услышав такое, я осторожно спросил:

– Она красивая?.. Сколько ей лет?

– В том-то и странность, самая обыкновенная тридцатилетняя американка с большими зубами! Я и в расчёт не брал! Катались на велосипедах, ужинали изредка. А, веришь ли, после её падения проникся такой жалостью, что уже подумываем о свадьбе.

– Не спеши, – посоветовал я испуганно, – по крайней мере, подожди, пусть выздоровеет!

Мы ещё раз выпили. Я взял обещание, что Олег позвонит через неделю, сообщит, как у Джессики дела, и попрощался. Друг пошёл на работу, а я отправился спать, но, взбудораженный разговором, ворочался в постели, прислушиваясь к дыханию спящей жены, думая о том, что же это за штука такая – жалость? Чего в ней больше – унижающего или воз-

вышающего нас?

Мне вспомнилась история, как я потерял девственность, будучи шестнадцатилетним юношей, отдыхая у бабушки в деревне. Предательское чувство захлестнуло меня при первом же взгляде на деревенскую хромоножку, милovidную девушку лет двадцати, коротко стриженную, очень робкую. Будто спица вошла в моё сердце! Это жалость пустила спицу, опередив стрелу Амура. Я подумал, глядя на бёдра девушки (одно было выше другого), на казавшиеся разной длины руки: кто же полюбит такую кособокую? Кто обнимет? И чуть не разрыдался.

Каждый раз, когда я видел её быструю, скачущую походку, её полную подпрыгивающую грудь, извиняющуюся улыбку на простоватом лице, когда слышал звуки мягкого голоса, мне хотелось подойти и утешить девушку, сказать, чтобы она не расстраивалась, ведь почти ничего не заметно! Но я молчал, поедая глазами несчастную, чья нескладная, стеснительная фигурка мучила меня, заставляя думать о ней ночью, когда всё казалось особенно романтичным, а если и искажалось, то в сторону очарования. Не будь я парализован охватившим меня чувством, сделай всё только из любопытства – наверняка сохранил бы способность жалеть! Но вместе с невинностью я потерял и это свойство моей души.

Заметив сострадательные взгляды, которые я бросал на неё, девушка воодушевилась. Как-то вечером, встретившись со мной у магазина, она увлекла меня в сторону заброшен-

ного сарая на краю деревни, где мне пришлось отдаться первому опыту любви из одного чувства жалости. Ничего, кроме отвращения, свидание не принесло. Робкий вид слетел с деревенской барышни вместе с лёгкой одеждой. Она накинулась на меня с жадностью опытного человека и принялась трогать влажными от волнения руками, тыкаясь мокрым ртом куда попало, и принуждала делать то, что я хотел сделать сам, движимый состраданием, а не по чужой воле. На следующий день, стора от стыда и чувства омерзения к себе, я уехал, проклиная день, когда увидел хромоножку.

Жена не знает той истории. Она часто называет меня циником, говорит, что я жалею только бродячих котов, но я ничего не могу с собой поделать. Не могу кинуть милостыню бродяге, подать руку женщине. Не могу пожалеть больного человека, травмированную Джессику например. Там, где дело касается жалости, мне всегда мерещится обман. Кажется, что все сговорились и хотят вывернуть меня наизнанку, чтобы выпотрошить и выбросить вон. Мне стоит больших усилий не нагрубить женщине, которая начинает жаловаться на жизнь, на мужа. Даже если не жалуется, а лишь делает несчастный вид, изображая страдальцу, мне становится противно, я готов плюнуть в лицемерку. А когда вижу хитрые глаза нищего, в гордой позе сидящего у церкви, то просто уверен, что он смеётся надо мной. Поэтому никогда не подаю. Бросаю в ящик для пожертвований свою копейку и душа моя спокойна.

Однако что-то мне подсказывало сейчас: история с болезубой Джессикой закончится свадьбой, ведь жалость не самое плохое чувство для начала любви. Удивительно, как воспарил мой друг, проникшись состраданием к американке! И как знать, куда бы повернули наши отношения с деревенской хромоножкой, не оказалась она столь алчной, столь неверчивой ко мне?..

19 октября 2012, Китай

В аэропорту

Проверка паспортного режима подходила к концу.

Вместе с пассажирами, вылетающими из Дубая в Москву, я переместился в зал ожидания и от нечего делать стал наблюдать за ними. Кто-то принялся за газету, кто-то пошёл пить кофе, а многие отправились глазеть на прилавки бутиков. Заскучав, хотел было вздремнуть, но, почувствовав лёгкое движение публики, открыл глаза и, следуя общему порыву, обернулся.

У входа в зал стояла молодая дама, лет двадцати восьми, в тёмно-коричневом платье и с золотой сумочкой на плече. Застыв на секунду, она решала, куда пойти дальше, в сторону ли магазинчиков, шеренгой выстроившихся вдоль стены слева от неё, или к креслам справа, где за стёклами огромных окон виднелись прекрасные лайнеры, ползающие по лётному полю, как огромные белые гусеницы. Любопытство перевесило, и девушка повернула влево, обратив голову к витринам бутиков. Взоры людей, сидевших в креслах, невольно устремились к ней. И пока она шла от одного магазинчика к другому, останавливаясь на минуту или двигаясь дальше, шлейф завистливо-восхищённых взглядов так и тянулся за ней, становясь всё длиннее. Было в ней что-то печально-загораживающее, гипнотизирующее, что вынуждало забыть о приличиях и разглядывать её без стеснения, с откровенным

любопытством, в то время как точёная, грациозная фигурка девушки выражала безразличие ко всему, что происходило вокруг. Мою сонливость как рукой сняло!

Погружённая в себя, она иногда оборачивалась и смотрела поверх голов пассажиров, открывая при этом нежный изгиб своей шеи, мягкую округлость щёк, удлинённые, немного вывернутые, как у всех мулаток, губы. Её тёмные, цвета спелых маслин глаза под тяжёлыми, тронутыми бирюзовой краской веками глядели неподвижно всё в одну и ту же точку, видимую только ей одной. Брови были черны и тоже неподвижны. Как два широких мазка, они оттеняли необычайную бледность её смуглого лица, весьма изящного в очертаниях подбородка и скул. Капли неоновых серёжек, мерцавших в ушах, словно две звезды, нитка блестящей цепочки на груди, невесомое платье в виде туники, схваченное кручёным золотистым шнуром и сильно сбивающееся между коленями, босоножки – несколько узких полосок в тон шнурку, сияющий браслет на щиколотке – всё в ней было необыкновенно! Я засмотрелся. Казалось, вся её кожа сверкала! Стремительная походка создавала впечатление, будто девушка собиралась взлететь! Горделивая голова отклонялась назад, чёрные длинные волосы, небрежно заколотые на висках, развивались, как при ветре. От взмахов рук в воздухе рисовались две перевёрнутые дуги, искрящиеся розовым лаком ногтей. И летели во все стороны огнистые искры от разноцветных камушков в её браслете...

В сумочке зазвонил телефон. Незнакомка торопливо достала его и, прижав к уху, напряглась так, что шея её задеревенела. Девушка начала громко говорить, обнажая белые зубы и помогая себе бровями, которые, изогнувшись, заволновались. Взгляд, подобный маленькому взрыву, озарил её лицо. Свободной рукой она делала движения, словно хотела протереть мутное стекло перед собой. Видимо, с кем-то спорила, настаивая на своём. Но вот покорно замолчала и стала слушать. Поднятая вверх рука замерла в удивлении и безвольно упала вниз.

Бросив телефон в сумочку, девушка метнулась назад. Ещё быстрее полетели искры от браслета, отражаясь звёздами в чистоте мраморного пола, и, как две волшебных змеи, устремились вслед за нею концы золотого шнура. Окольцованная редкая птица! Взлетела наконец! Но полёт этот был подневольным. Девушку тянули назад невидимые никому нити. Вся её фигурка сопротивлялась возвращению в прошлое. Сдвинув плечи вперёд и прижав руки к груди, красавица неслась к выходу. Справа оставались магазины, не сумевшие её развлечь, а слева самолёты, не успевшие спасти...

Вздых сожаления о невозможном, несбыточном вырвался из груди пассажиров.

– Black Pearl is a rarity! – со знанием дела произнёс пожилой араб в белых одеждах. И добавил, поворачиваясь ко мне: – Like any jewelry, it should have its owner. He's there,

behind the walls of this room⁹.

Я вздохнул, возвращаясь в реальность, встал и на плохом английском сказал, что иногда хозяин не понимает истинной цены того, чем владеет, и губит сокровище. После чего поклонился арабу, не согласившемуся со мной, судя по недовольной гримасе на его лице, и направился на посадку.

28 июня 2012, апрель 2013, Китай

---

⁹ Чёрная жемчужина – большая редкость! Как у всякой драгоценности, у неё должен быть свой владелец. Он там, за стенами этого зала (*англ.*).

Под фонарём

Милли стояла под чугунным фонарём в виде пяти лепестков, отходивших от макушки столба, и беззвучно плакала. Правда, общее выражение её лица продолжало оставаться всё в том же настроении простодушного удивления, в котором она, Милли, находилась до того, как начала плакать. На лице застыл немой вопрос, сквозивший в изломе тонких бровей, в округлившись глазах, в поникшем остреньком носике, в слегка опущенном подбородке и как бы в долгом вздохе, от которого пухленькие щёчки казались слегка втянутыми. Ни дать ни взять маска «Удивление». Статичная, как одна из заготовок в древнегреческом театре, которой актёр пользуется, чтобы показать переживания героев. Одна маска – одно чувство. И никогда иначе, потому что в застывшем белом гипсе нельзя передать смену настроений, тем более борьбу эмоций. Так и Миллино бледное личико, его запросто можно было бы принять за неподвижную маску. Но чувство, более сильное, чем удивление, уже проступало вперёд, рождая обильные слёзы, ручьём катившиеся из напуганных глаз. Это делало лицо похожим на маску, вот-вот готовую ожить.

Милли только что бросил муж. В буквальном смысле: твёрдо взял её за плечо своей сильной, накачанной регулярными тренировками рукой и вышвырнул на лестничную пло-

щадку. Как гадкого котёнка. Милли даже испугаться не успела, потому что ничего не поняла. Она не сопротивлялась, лишь удивилась виду мужчины, который стал похож на разъярённое чудовище. И осознала, что супруг не шутит только тогда, когда, стукнув несколько раз кулачком по двери, услышала в ответ: «Дрянь! Пошла вон!» Это было ни на что не похоже. Раньше муж никогда не разговаривал в таком тоне, да и поводов не случалось!

Будучи младше его на шестнадцать лет, она не перечила ему ни в чём, кроме, может быть, тех случаев, когда дело касалось любимой гимнастики, которую Милли не хотела бросать, несколько раз в неделю бегая в гимнастический зал. Муж считал, что пора бы в её возрасте, при их положении подумать о чём-то более престижном, чем «скаканье с лентой». О йоге, например. Но девушка не уступала. Она была мастером спора и мечтала набрать группу детишек, возиться с которыми ей очень нравилось, и только ждала момента, чтобы сказать об этом мужу. Во всём остальном между ними царил полное понимание, оба ценили то, что каждый из них приобрёл в браке, он – красавицу жену, она – любимого мужчину и статус в обществе.

Милли была тоненькая, гибкая и лёгкая – словно гимнастическая лента! Муж запросто подхватывал девушку одной рукой, прижимая к себе, и кружил так быстро, что даже у неё, у спортсменки, темнело в глазах. Тогда Милли кричала: «Довольно! Довольно!» – и колотила руками по широкой

мужской груди, смеясь и восторгаясь силой супруга. Он ставил её на пол и, не выпуская из объятий, целовал до тех пор, пока она не сдавалась и не опускала руки. Их брак насчитывал три года, но муж по-прежнему вёл себя с Милли как мальчишка, хотя недавно ему исполнилось тридцать девять лет и он давно занимал весьма солидную должность в банке. Что же случилось сегодня? Что только что произошло?

Не помня себя, не замечая удивлённых глаз консьержки, запахивая пеньюар, Милли выбежала из подъезда и остановилась под фонарём. Она подняла голову вверх и посмотрела на окна их квартиры, находившейся на девятом этаже современного высотного здания. Окна были темны. Кругом тоже было темно, на землю опускалась чёрная безлунная ночь, город готовился ко сну, выключался лишний свет, всё постепенно затихало. По дороге пробегали редкие машины, гудя и сигналив Милли, кто-то махал ей рукой из окна автомобиля, но она не слышала гудков и не видела пролетающих мимо неё ухмылок, продолжая недоумевать.

Её славное, весёлое личико не часто омрачалось серьёзными мыслями, потому что характер Милли имела беззаботный, даже, можно сказать, озорной, под стать тем грациозным танцам с мячами, которыми она увлекалась. Но сейчас лицо её было твёрдо, как театральная маска, по которой катились слёзы, а вся съёжившаяся фигурка с прижатыми к груди руками и опущенными плечами выражала сплошное отчаяние. Милли ещё раз взглянула вверх, подумав о том,

что так и не полила цветы на балконе; там сейчас было пусто и темно.

«За что?!» – в который раз подумала она, вспоминая, как страшно рассердился муж, как неузнаваемо изменились его глаза, когда ей вздумалось десять минут назад войти с маленькой лейкой в руках на балкон. Супруг сидел в шезлонге и разговаривал по телефону. Прежде чем он успел оборвать свою фразу, Милли услышала последние слова. «Дорогая, потерпи, я скоро приеду», – нежным, немного виноватым голосом сказал он, прикрываясь ладонью, с неожиданной злостью глядя на вошедшую. Девушка ласково улыбнулась, начав поливать цветы, как вдруг вскочивший с шезлонга муж вырвал лейку из её рук и закричал:

– Как ты смеешь! Подслушивать?! Ты! Дрянь!

Его лицо налилось краской, дыхание сделалось тяжёлым. Увидев, что Милли продолжает улыбаться, он в ярости схватил жену за плечо, больно сжав пальцами, и потащил через всю квартиру в прихожую. Там как будто хотел что-то сказать, но, задохнувшись от злости, передумал и молча выставил за дверь. Бесполезно поколотив в дверь кулачками, Милли вызвала лифт, спустилась на первый этаж и вышла на вечернюю улицу. Жёлтый круг от фонаря выглядел спасительно.

Она шагнула в круг и долго стояла без движения, не чувствуя солёности слёз, попадавших на губы. Яркий свет отделял её от пугающей черноты, которая начиналась сразу за

жёлтым кругом на асфальте. Казалось, что она стоит на голом земном шаре. Одна. И шар под ногами крутится так же стремительно, как мяч, вращающийся на указательном пальце гимнастки. От быстрых оборотов в животе у Милли появилось чувство дурноты. Чтобы не упасть, она обеими руками ухватилась за фонарный столб.

Из космоса вдруг дунул лёгкий ветерок. Сильный запах сирени, смешанный с запахом влажной после дождя земли, прорвался в освещённый круг. Милли громко чихнула. Потом шумно вздохнула несколько раз, словно проверяя, жива ли она, жалобно всхлипнула и громко расплакалась. Чувства обиды и страха победили. Белая маска удивления поломалась, рассыпалась на части, превратившись в нечто бесформенное, и стала похожа на множественные отражения в разбитом зеркале, где в каждом осколке блестела слеза. Из-под неподвижной маски проступило живое лицо, полное страданий. Ветерок из космоса, принёсший запах сирени, заставил Милли очнуться.

Проплакавшись, девушка почувствовала, что замёрзла, ведь её выгнали из дома в одном пеньюаре и в тапочках, на пушистые помпоны которых осела дорожная пыль, превратив их в нелепые комки грязи. Милли разжала пальцы, отпуская фонарь, подошла к кромке освещённого круга. Надо было что-то делать: не оставаться же здесь на ночь!

– Милли! Подожди, дорогая! – вдруг услышала она и обернулась.

Из подъезда бежал супруг. Его спортивное тело потеряло былую упругость. Двигаясь, мужчина тяжело приседал на обе ноги и неловко раскачивался. В руках он держал большую, в оранжевых цветах шаль, которую год назад привёз из Индии. Милли очень любила её за тонкую, нежную текстуру и за тёплый цвет. Накинув шаль на плечи Милли, муж слабо произнёс:

– Извини, мне необходимо объясниться. Понимаю, мой поступок выдал меня, я должен признаться...

Он был очень бледен и взволнован до крайности.

– Пожалуйста, – ответила Милли, – признавайся, хоть это теперь и неважно, но... пожалуйста, хорошо. Всё-таки интересно.

– У меня есть сын. Он живёт со своей матерью, так мы договорились, ему шесть лет. Но для нас с тобой это ничего не значит, поверь!

– О! Ты не просто ловелас! Ты врунишка? – поразились Милли.

– Не смей так разговаривать! – угрожающе произнёс муж.

– А то ударишь? – спросила она, начиная понимать, почему ей так трудно было с самого начала их совместной жизни встречать супруга из его частых зарубежных командировок. Он всегда возвращался странно отчуждённый, далёкий и подолгу молчал, словно заново привыкая к домашней обстановке.

– А то разведусь, – серьёзно ответил мужчина.

Милли откровенно рассмеялась, увидев эту его серьёзность. Она запрокинула голову к небу, на котором обнаружилась золотая нитка молодого месяца, и захохотала, вспоминая, какой же она была дуручкой, когда не замечала ни телефонных звонков среди ночи, ни взволнованных глаз мужа, ни его задумчивости, ни выходных, проведённых им где-то на стороне...

– Сделай одолжение, – попросила она, перестав хохотать, – позвони моему папе, предупреди, чтобы он встретил меня, скажи, что я сбежала от монстра.

– Ты уходишь? – не поверил мужчина. – Чем же ты будешь жить?

– Пойду работать тренером! Давно мечтала, – не задумываясь ответила Милли, поднимая руку, чтобы махнуть такси. Шаль золотым потоком сползла с плеч и упала в пыль, к смешным грязным тапочкам. Милли поддела шаль ногой, откинула в сторону, чтобы не запнуться об оранжевые цветы, и села в остановившуюся рядом машину.

Декабрь 2011, май 2015, Китай

Ревизия

Виктория лежала в ванне и, высунув ноги из воды, озабоченно их разглядывала. После недавней эпиляции кожа казалась глянцево́й, а вот лак по кромке ногтей слегка стёрся. «Утром запишусь на педикюр», – вяло подумала она, опуская ноги и удобно устраиваясь на оранжевой резиновой подушке, чуть не выскользнувшей из-под головы. Тихо играла музыка, льющаяся из колонок в углах комнаты, мягко мерцал приглушённый плафонами свет, отражаясь жёлтым туманом в прозрачности кафельных стен, журчала и вспенивалась вода, равномерно массируя тело, и пряный аромат благовонных палочек невесомой дымкой растекался во круг...

Виктория закрыла глаза и замерла, перестав шевелиться. Она любила это время суток, когда можно было остаться наедине с собой, забыть про фотосалон с его проблемами и приходящую кухарку, невнимательную к наказаниям относительно меню. Нескончаемый поток клиентов, несмолкаемы звонки, бесконечные споры о рекламных проспектах – всё это за пределами ванной комнаты. Здесь же нет ничего, что могло бы испортить настроение деловой тридцатипятилетней женщины, которая хочет везде успеть и которая знает цену отдыху. Как хорошо! Не надо ни с кем разговаривать и можно ни о чём не думать. День закончился вместе с его

заботами, сейчас главное – отвлечься, чтобы потом крепко уснуть.

Всё в доме затихло, как будто стояла глубокая ночь, хотя стрелки часов показывали десять вечера, когда Вика вышла из гостиной. Самое время, чтобы посидеть у камина накануне выходного дня! Но муж Кирилл, привыкший вставать очень рано, и сегодня ушёл в спальную вперёд Вики, сославшись на усталость, поэтому ничего не оставалось, кроме как уложить сына в постель и отправиться в ванную на «релаксацию», как Вика называла своё вечернее уединение. «Пусть спят, – лениво подумала она, – им завтра бежать на зарядку. Мои спортсмены!» – и улыбнулась, зная, каким радостным будет завтрашнее воскресное утро. По зелёным соснам за их большим домом, стоящим на краю подмосковной дачной деревни, прыгали белки. В этом году они совсем расхрабрились, позволяя Алёше гладить себя. Начало осени радовало яркими красками, земля и воздух были тёплыми, храня остатки летней жары. Кирилл считал – пока стоит хорошая погода, мальчику нужно гулять. «Красоту нельзя упускать!» – говорил он сыну, будя его каждое утро и предлагая пробежаться.

Вике нравилось, что муж занимается воспитанием мальчика, которого очень любил, с большой ответственностью. Главным условием дружеских отношений Кирилл считал то уважение, с каким он относился к десятилетнему сыну; всё, что касалось Алёши, выступало на первый план. И мальчик

обожал отца, убеждённый, что «с папой никто не сравнится!». Выходные дни они проводили вместе и начинали с того, что бежали рано утром в лес, после чего Алёша кормил рыбок в огромном аквариуме, а Кирилл принимался за приготовление завтрака. Энергично расхаживая по кухне, он распевал отрывки из песен и гремел посудой, призывая Вику скорее проснуться. Кулинария была его любимым занятием, за которым Кирилл отдыхал от своей солидной должности в газовом холдинге и от той внешней серьёзности, которая появлялась на его круглом весёлом лице, как только он выходил за порог дома.

Представив, как завтра придёт к мужу и сыну и начнёт слушать рассказы о белках, Вика непроизвольно вздохнула, взволнованно и радостно. Что-то опять наколдует Кирилл, стоя у плиты? Нафантазирует, что и есть невозможно будет! Его страсть к экспериментам не знала границ! То чернику в омлет добавит, то польёт банановым киселём кашу или поджарит бекон со спаржей, а под конец испортит блюдо ананасом, кинув его туда же, на сковородку. Не исключено, что придётся готовить самой, что-нибудь простое, вроде сырников со сметаной. При мысли о сырниках Вика открыла глаза, решив, что нужно проверить, есть ли творог в холодильнике. Подвигавшись, она почувствовала, что её тело хорошо разогрелось, а мышцы расслабились. Можно вставать.

Осторожно выйдя из ванны, вытерлась полотенцем и, стоя перед зеркалом, долго вбивала крем в кожу лица и шеи,

стараясь действовать с особой аккуратностью в районе глаз. Высушила волосы, короткие, но очень густые, надела чистую пижаму, приготовленную горничной. Почувствовав, как шёлк приятно охладил всё тело, выключила свет в ванной и спустилась на первый этаж, в кухню. Удостоверившись, что творог на месте, прошла в кабинет мужа. Сегодня у неё было небольшое дело, которое она намеревалась закончить побыстрее, впрочем как всегда, потому что всё происходило больше для формы, по привычке, чем по необходимости.

Время от времени Вика проверяла стол и портфель Кирилла. Для чего, она и сама не знала, ведь причин сомневаться в верности мужа у неё не было, он не замечал других женщин. Так было с самого первого дня их знакомства, случившегося одиннадцать лет назад, когда Кирилл только начал работать в газовом холдинге, где изредка появлялась Вика по поручению туристической компании, которую она представляла. Роман их начался с того, что девушка упала на Кирилла в буквальном смысле, чуть не свалив его с ног, когда тот поднимался по коридорной лестнице в буфет, а Вика неслась ему навстречу, опаздывая на автобус.

Кирилл одной рукой ухватился за перила, а другой за Вику, чтобы она, ударившись об него, не пролетела дальше.

– Вот так искры! – со смехом воскликнул он, взглянув в её испуганные глаза. – Настоящий новогодний фейерверк! Бенгальские огни!

Журналы и проспекты посыпались из рук Вики. Оба кинулись их подбирать.

– Весь мир у наших ног! В буквальном смысле! Заманчиво! – взглянув на фотографии, быстро произнёс Кирилл, подавая Вике журналы. Пока она торопливо и неловко складывала их в стопку, мужчина внимательно рассматривал девушку, её смущённое, порозовевшее лицо, открытые руки, сиреневый летний костюм и бейджик на длинной голубой ленте. Когда оба выпрямились, он спросил:

– Виктория, что бы вы мне предложили? На ваш вкус, где можно отдохнуть? У меня отпуск через два месяца.

Вика вытащила из пачки первое попавшееся под руку и показала:

– Вот, здесь всегда хорошо.

Это оказались Мальдивские острова, куда только-только начинали ездить богатые российские туристы, открывая для себя коралловые атоллы, фантастический подводный мир.

– Отлично! – кивнул головой Кирилл и добавил твёрдо, как о деле решённом: – Но только с вами. Иначе не согласен. Договорились?

Кто бы устоял на её месте, часто думала потом Виктория, когда перед тобой статный молодой мужчина, ироничный, уверенный в себе красавец? «Договорились», – прошептала она. Два последовавших за этим событием месяца пролетели незаметно: Вика с Кириллом оказались в мальдивской сказке, вернувшись из которой поженились и стали жить вдвоём.

Все вокруг решили, что они идеальная пара, потому что при взгляде на них смысл брака становился очевидным – любовь и взаимопонимание, искренность и трепетность отношений, вот к чему надо стремиться! Никто не сомневался, что здесь вмешался Всевышний, устроив всё таким образом, что посторонние женщины перестали для Кирилла существовать. Через год родился Алёша, и счастье удвоилось. Огорчало, конечно, что после трудных родов Вику предупредили – в будущем с беременностью лучше не рисковать, но об этом они старались не думать, сосредоточив всю заботу на маленьком сыне. Кирилл любил жену радостно и преданно, а она год за годом проверяла его портфель...

Войдя в кабинет, Вика включила верхний свет и подошла к столу. Выдвинула по очереди несколько ящичков, осмотрела их беглым, рассеянным взглядом, расстегнула привычным движением кожаный портфель, лежащий в кресле, заглянула во все его отделы и, как всегда, устыдилась на миг, удовлетворённая результатами тайной проверки, но тут же оправдала себя, подумав: «Я не таюсь. Захожу в кабинет, когда Кирилл дома, значит, допускаю, что он может появиться в любой момент. Отлично. Пусть заходит, придумаю шутку, чтобы объясниться. Можно, конечно, заглянуть в портфель и при Кирилле, но это уж точно будет выглядеть как недоверие, так что ничего плохого в моём поступке нет. Между нами нет секретов, а значит, всё в порядке».

Застегнув портфель, она поправила две фотографии на

левом краю стола, задержавшись на них любящим взглядом. Как давно это было! И как недавно! На первой – они с Кириллом, в свадебных одеждах, счастливые, держась за руки бегут по ступенькам Дворца бракосочетания. Высокий темноволосый Кирилл в чёрном костюме и она, на голову ниже его ростом, такая же темноволосая, как и он, в платье молочного цвета и в шляпке с вуалью. Надо признаться, что Вика и Кирилл совсем не изменились, всё такие же молодые, если судить по второй фотографии, где супруги сидят вместе с сыном, обнявшись, на старом поваленном дереве среди опавшей оранжевой листвы и что-то кричат кухарке, которая их в этот момент фотографировала.

У Алёши, как и у его родителей, были густые, с шоколадным оттенком волосы, лицом он походил на Вику. Кирилл – широкоскулый, с большими карими глазами, крупными веками, с широковатым носом и полными губами; его лицо, как бы зажатое между высоким лбом и сильным подбородком, казалось почти квадратным, а у Лёши личико узкое, синие, васильковые глаза, прямой нос и тонкие, изящные губы. Кирилл не огорчился, видя разногласия со своей внешностью, он часто повторял, успокаивая Вику: «Зато воспитаю как настоящего мужика, не беспокойся, будет тебе второй защитник». И, натягивая на свою правую руку «лапу», приказывал Алёше надеть боксёрские перчатки.

Вика подумала о том, что завтра надо будет выйти со своими мужчинами до завтрака и сделать серию снимков с бе-

лочками, которые так смешно берут еду из Алёшиных рук! Она достала фотоаппарат из книжного шкафа, положила на стол, потушила в кабинете свет, прикрыла дверь и поднялась на второй этаж, в спальную. «Почитаю немного», – решила она. Тихонечко скользнула к мужу под одеяло, осторожно нажала на кнопку ночной лампы и взяла в руки журнал.

– Ну, как прошла ревизия? – сонно спросил муж, не поворачиваясь к Вике, и она похолодела, не веря своим ушам.

Кирилл говорил с трудом, сквозь сон, не желая просыпаться, и от этого его ровный, еле слышный голос звучал особенно страшно. Не понимая, зачем она притворяется, вместо того чтобы отшутиться, как и предполагалось, Вика переспросила, откладывая журнал:

– О какой «ревизии» ты говоришь, дорогой?

– Ну... о той, которую ты проводишь в моём кабинете...

– Я всего лишь посмотрела, политы ли цветы. И приготовила фотоаппарат завтра, – ответила Вика, ощущая, как ледяная волна подбирается к сердцу.

– Ну и отлично... А то я уже хотел признаваться тебе, чтобы ты не утруждалась... – невнятно пробубнил Кирилл, с трудом ворочая языком.

– О чём ты?.. – едва выговорила Вика.

– Тебе незачем рыться в моих вещах, – медленно и раздельно произнёс муж, силясь придать своему тону серьёзность. – Спросила бы меня, я бы признался, что у нас с твоей подружкой роман... – тяжело закончил он, поворачиваясь

на спину и натягивая на себя одеяло.

Сердце сжалось в комок от охватившего Вику холода. Она почувствовала, как застыли губы. «Он мучает меня? Но зачем?» – слабо подумала она, припоминая, что подружка и впрямь стала слишком подозрительной в последнее время – замкнутой, неразговорчивой. В голове Вики пронеслись ужасные мысли насчёт мужниного тайного романа, и, слыша, как что-то больно сломалось в сердце, чувствуя, как рвётся наружу потревоженная тайна, вдруг сказала то, что поклялась никогда и никому не рассказывать:

– Алёша не твой сын.

Вика выдохнула из себя эти холодные слова, ожидая, что всё вокруг тотчас замёрзнет и они с Кириллом превратятся в две огромные сосульки, которые завтра напугают сына, когда мальчик прибежит в родительскую спальную, недовольный тем, что его не разбудили. Но Кирилл в ответ лишь проворчал нечленораздельные звуки. Перевернувшись на живот, он засунул обе руки под подушку, почти зарывшись в неё лицом, и крепко уснул. В недоумении поглядев на его спину, Вика выключила лампу и вытянулась рядом, но ещё долго лежала с открытыми глазами, пусто пялясь в темноту и пытаясь согреться. Она обдумывала слова мужа и собственные слова, не находя между ними связи, и не заметила, как уснула.

Встала поздно, около десяти часов, в плохом настроении, в предчувствии чего-то страшного. Накинув лёгкий халат,

спустилась на кухню, где уже всю хозяйничал Кирилл. При виде того, как муж, стоя у плиты, распевал песни, энергично размешивая деревянной ложкой тесто в кастрюле, ей захотелось заплакать. На столе красовался оранжевый графин с только что выжатым апельсиновым соком, лежали бордовые размером с тарелку кленовые листья.

– Доброе утро, соня! Это мы для тебя принесли, – весело сказал Кирилл, прерывая пение и кивая на листья, – у нас сегодня оладьи с яблоками и омлет с ветчиной. Меню «без выкрутасов», специально для тебя! Пойдёт? Алексей в ванной, – сообщил он, наливая Вике сока в высокий стеклянный бокал. – Набегался за ёжиком, устал, но так и не поймал. Ты не представляешь, сколько их тут развелось! – воскликнул Кирилл и, присмотревшись к растрёпанной Виктории, тревожно спросил: – Ты плохо спала, дорогая?

– Как можно... хорошо спать... после того... что ты вчера наговорил? – мрачно ответила Вика, делая большие паузы между словами.

Казалось, ей было трудно дышать. Она нечасто показывалась перед мужем в неприбранном виде, но сегодня это не имело значения.

– Вот ерунда! Я же пошутил. Ты мне спать не давала, – засмеялся Кирилл, ложкой шлёпнув тесто на разогретую сковородку. – Да и тебя пора приструнить, как ты считаешь?

– Вот как? Зачем же молчал, зная, что я устраиваю ревизии? – спросила Виктория, тяжело усаживаясь на стул и ото-

двигая от себя стакан с соком. – Почему сейчас решил «приструнить»? Что изменилось?

– Раньше меня смешили твои строгости, но время идёт, а ты не унимаешься, мне это кажется странным, ненужным, – ответил Кирилл, переворачивая на другую сторону олады. – Ты вчера что-то про Алёшу говорила, я не понял что.

– Да, говорила, – не своим, треснувшим, сделавшимся пустым голосом произнесла Вика.

Она стала машинально крутить кленовый листок, зажав его между пальцами и внимательно его разглядывая.

– Ты помнишь того длинноволосого, который опоздал на нашу свадьбу? Он пришёл с букетом чертополоха, все удивились, а я сказала, что это наш «ботаник», шутник из рекламного отдела? Вижу, что помнишь. – Вика кинула быстрый взгляд на мужа и с отчаянной решимостью продолжила: – Знаешь, Кирилл, я, наверное, вышла бы за него замуж. Так, без любви, просто потому, что время пришло. Если бы не твои Мальдивы. Он хороший парень на самом деле! Очень искренний и меня любил. Думала, он понял, когда я объяснила, что полюбила другого, но это оказалось не так. Я встречалась с ним через несколько месяцев после нашей с тобой свадьбы, надо было сказать, чтобы он прекратил преследовать меня звонками, записками. Между нами произошла безобразная сцена, которая закончилась постелью. И мы расстались навсегда. А вскоре я поняла, что беременна. Врачи предупредили, что я рискую не иметь детей в будущем,

если избавлюсь от этого ребёнка, и я оставила всё как есть.

Бросив кленовый листок, Вика подняла глаза на мужа.

– Теперь ты всё знаешь, – сказала она, успокаиваясь, и попросила налить горячего чая.

Муж смотрел на неё во все глаза, не замечая, что оладьи подгорают, не слыша просьбы о чае.

– Это неправда, – сказал он убеждённо.

– Правда, – ответила Виктория и зябко поёжилась.

На кухню вбежал Алёша: на его щеках лежал чистый румянец, волосы были мокрыми после душа, глаза сияли радостью. Мальчик приготовился рассказать Вике о шустром ёжике, за которым гонялся всё утро, и о том, как ёжик спрятался в норке; о том, как Алёша обогнал отца, когда они побежали наперегонки, отец запнулся и упал. Конечно, Алёша подозревает, что папа сделал так нарочно, но всё равно было весело.

– Папа! – закричал мальчик, смешно двигая носом, принюхиваясь. – Пригорают оладьи!

И кинулся переворачивать их вилкой, как это делал всегда отец. Кирилл опустил на стул рядом с Викой. Не обращая внимания на дым, идущий от сковороды, он принялся рвать один за другим широкие кленовые листья, вдруг ставшие неприятными. Они раздражали своей оранжевой окраской, напоминая о том прекрасном настроении, которое ещё минуту назад владело Кириллом, обещая минуты счастья в кругу семьи; теперь листья выглядели как насмешка. Радуж-

ное настроение было непоправимо испорчено. Оно, как подгоревшие оладьи, которые Алёша выбросил в мусорное ведро, упало в прошлое, превратив это утро в самое худшее из всех, которые были у них с Викой...

Февраль 2012, Китай

На авеню в Париже

Блестит мокрый после дождя асфальт на близкой дороге, в небольших лужах отражается свет вечерних фонарей, все столики в уличном кафе заняты. Мы прошли несколько кварталов по одной из центральных авеню Парижа, прежде чем нашли себе место. Можно подумать, что весь город вышел на улицу, чтобы за чашечкой кофе обсудить последние новости; всех интересовало, останется ли Жак Ширак на второй срок? Выборы были в самом разгаре.

– Только очень благополучные люди, сытые бездельники могут так проводить время, лениво и бессмысленно, – говорит Василий, энергично опускаясь в плетёное кресло на краю тротуара и оглядываясь.

Это приземистый, черноволосый мужчина тридцати пяти лет, темноглазый и смуглолицый. Он приехал из Москвы купить свадебный подарок для своей невесты и не перестаёт удивляться беззаботности французов.

– Поглядите, – кивает он в разные стороны, – расставили стулья, сидят сплетничают, рассматривая прохожих, наслаждаются. Реалити-шоу!

– У нас в Сочи тоже сидят, – замечает Кузьма, снимая пиджак и вешая его на спинку кресла. – Но нет ощущения, что сидят в удовольствие, там ведь публика какая? Временная. Значит, как бы люди ни надувались показать, что им здоро-

во, всё-таки видно, как они торопятся. Назад, к проблемам, к телевизорам. Про Москву и родной Петербург и говорить нечего. А тут никто никуда не спешит, ощущение, что все у себя дома. Французская лень заразительна. Нет, не хватает нам их расслабленности!

Кузьма в Париже не первый раз, он ездит сюда по делам фирмы едва ли не каждый месяц и считает себя знатоком французской кухни, поэтому даёт нам с Василием советы, какое вино выбрать к антрекоту. Он сухощав, рыжеват, очень высок и в своём летнем бежевом костюме выглядит настоящим франтом по сравнению с Василием, одетым, как и я, в джинсы и рубашку. Кузьма на два года младше меня, ему тридцать семь. Мы познакомились вчера в отеле, куда въехали одновременно, а сегодня, встретившись за завтраком, решили поужинать втроем.

Нам приятно сознавать, что мы молоды, здоровы, что у каждого из нас есть небольшой бизнес в России, который позволяет нам быть сейчас здесь, среди французов, и чувствовать себя вполне благополучными людьми. Нам известно друг о друге немного: Василий специалист по недвижимости, у него скоро свадьба. Кузьма владеет туристической компанией, женат, имеет маленькую дочку, а у меня охранное ведомство, жена и двое детей. Этих сведений вполне хватает, чтобы надеяться на дружеский разговор, а наше общее радужное расположение духа вызывает желание пооткровенничать. Хочется в чём-то признаться, рассказать о чём-то

личном, но, не зная, с чего начать, мы улыбаемся, поглядывая друг на друга, и ждём заказ.

Нам достались места у самого края навеса, мы сидим лицом к дороге, люди проходят в нескольких сантиметрах от нашего столика, вся улица перед нами. Не видя соседей за спинами, мы слышим их общий говор, иногда прерываемый хохотом взъерошенного молодого человека слева от нас. Парень настойчиво пытается что-то втолковать своей подруге, белобрысой, большеротой девушке, похожей на подростка, которая совсем не слушает его. Он снова и снова наклоняется к ней, чтобы отвлечь от журнала, но, видя её демонстративное молчание, начинает нервничать.

Стараясь скрыть это, парень закидывает ногу на ногу и вызывающе хохочет. Здесь не принято громкое поведение, он знает. Но тем не менее продолжает подбадривать себя нарочито грубым нервическим смехом и машет в воздухе ногой. Уловки не помогают ему, он не может взять нужный тон. Воскликнув «*Mon cher! Mon cher ami!*», молодой человек замолкает и минуты две сидит, энергично качая оранжевой туфлей и постукивая кончиками пальцев по столу, и вдруг, не выдержав равнодушия девушки, вскакивает, кидает ей в лицо лёгкий полосатый шарф с шеи, останавливает проезжающее мимо такси, прыгает в него и уезжает.

«Любовь!» – уважительно переглядываемся мы и утыкаемся в тарелки, которые нам приносит индусского вида официант. Сочный, слабо прожаренный антрекот в винном со-

усе великолепен, а лёгкое божоле и впрямь отлично к нему подходит, как подходит оно и к этому раннему летнему вечеру, который настраивает нас на лирическую волну. Через несколько минут, отложив вилки, мы откидываемся на спинки стульев и закуриваем. Махнув рукой гарсону, я прошу принести три кофе.

– Как вы думаете, почему они поссорились? – начинает разговор Василий, незаметно косясь на соседний столик, и мы, чувствуя, что его вопрос неспроста, начинаем поглядывать налево. Оставшаяся в одиночестве девушка не расстроилась, заказала пиво и теперь потягивала его мелкими глотками из бокала, не переставая листать журнал. На лицо её падали неровные пряди волос, которые она то и дело убирала, заправляя за уши. В такие моменты мы могли видеть прямой, немного широковатый для узкого лица нос и опущенные вниз глаза. На запястьях тонких рук болтались многочисленные браслеты; рваные джинсы были украшены пёстрыми заплатками, пришитыми как попало.

– Из-за шарфа, – шутит Кузьма, пуская дым впереди себя и наблюдая за тем, как дым тает в воздухе над столом. – Яркая расцветка не понравилась мадам, а мсье убеждал, что имеет право на собственный вкус. Обиделся, ушёл. Шарф оставил. Назло.

– Она напомнила мою первую любовь. Мои студенческие годы, – не слушая Кузьму, медленно говорит Василий. Он машинально приглаживает свои аккуратно подстриженные

волосы и задумчиво, удивляясь совпадению, произносит: – Такая же носатая, глазастая, похожая на девочку-подростка! Французская внешность, надо сказать. – И обращается к нам, проверяя, готовы ли мы оторваться от созерцательного настроения, чтобы выслушать его: – Не поверите, как она умела целоваться! Потрясающе. Как самая развратная женщина, чем заводила меня в считанные секунды! Голову терял от восторга!

– Почему же ты отпустил её? – спрашиваю я, заинтригованный таким вступлением, продолжая исподтишка разглядывать француженку, которая кажется мне довольно милой.

Лет двадцати пяти, не больше, судя по ясному, слегка бледноватому лицу и трогательной шее, так робко выглядывающей из выреза тёмной футболки, что я невольно улыбаюсь, глядя на неё, а про себя думаю: не преувеличивает ли наш приятель насчёт разврата?

– Можно сказать, не просто отпустил, прогнал! Грубо и жестоко, – признаётся Василий, ударяя правой ладонью по столу, а нам с Кузьмой при виде его затуманенного воспоминаниями лица становится любопытно.

– Расскажи! – просим мы.

Василий заметно оживляется, тушит сигарету в пепельнице и говорит, шевеля широкими, раскидистыми бровями в сторону соседки:

– Я почти уверен, почему они поссорились.

– Почему же? – спрашиваем мы.

– Наверняка парень уговаривал девушку расстаться друзьями. Разлюбил, встретил другую. А чтобы смягчить разрыв, призвал к дружбе, мол, это выше всего! Очень по-французски! Сначала любовники, потом друзья. Вполне в национальном духе, если учесть, что лет триста назад их знаменитый Ларошфуко заявил: «Дружба между мужчиной и женщиной – это отношения между бывшими любовниками или между будущими», очевидно подразумевая, что дружбой можно продолжить любовь, – покачав осуждающе головой, поясняет Василий и восклицает: – Какая, к дьяволу, «дружба»?! У них, может быть, и возможна, хотя девушка с журналом, по-моему, не очень-то готова к ней, – кивает он влево. – У нас же всё по-другому. Наши люди отдыхают не по-французски. Верно. А уж любят... как нигде. И расходятся! Смертельными врагами или делая вид, что покидают пустое место. Вы заметили? – ещё больше взбадривается Василий, и мы понимаем, что он переходит к главному. – Наши женщины считают в порядке вещей познакомить нас со своим бывшим любовником, маскируя его под приятеля, но стоит нам последовать их примеру, тут же поднимают скандал! Не бывали в такой ситуации? Ну, всё впереди, значит, а у меня случилось... Я был не прав тогда, любовником и не пахло, но скандал вышел.

Моя девушка, похожая на этого воробышка с журналом, привела однажды в нашу компанию хлыста богемной наружности, заросшего, неопрятного. Лучший друг, говорит, по

студии. Она живописью увлекалась, как и многие на архитектурном факультете. Меня будто резануло! Любовник? Или только собираются мне рога наставить? Зажался, молчу, наблюдаю, как те двое беседуют о высоком. А самого будто током бьёт от взрывов их смеха! От вида, как девушка прислоняется к плечу хлыста и хохочет, закрыв глаза.

Не стал я устраивать сцены ревности, а решил привести в следующий раз свою бывшую подругу, филологиню: у нас с ней случилась короткая интрижка на первом курсе. К слову, она-то и познакомила меня с Ларошфуко, чьё выражение о дружбе запало в душу по молодости. Томная, меланхоличная девица. Любила цитировать классиков, а я любил слушать, глядя на её умное личико и пышную грудь. Слушал до тех пор, пока в группе не появилась она, моя любовь, разом затмившая и афоризмы, и роскошный бюст филологини. Роман наш начался бурно, с первого взгляда и, не снижая накала, продолжался до последнего курса, вплоть до этой истории.

Так вот, прихожу я со своей бывшей пассией на очередную тусовку, представляю как подругу, увлекающуюся французской литературой, в частности Ларошфуко. И как доказательство цитирую: «Дружба между мужчиной и женщиной...» – ну и так далее. Моя девушка взглянула на меня с ужасом, словно перед ней был вампир, и выскочила из бара на улицу как была, в одних джинсах и кофточке. А там мороз, дело к Новому году двигалось. Я метнулся за ней, кинув

на плечо нашу одежду, уже чувствуя, что хватил лишку, и поймал её перед самым спуском в метро, так быстро она бежала. «Негодяй! – закричала она на меня. – Как ты мог!» – и стала бить меня своими маленькими кулачками. Покраснела вся. А я тогда был ещё крепче, чем сейчас, качок квадратный, мышцы как гранит. Неудивительно, что, ударив меня несколько раз, она вдруг прижала к себе правую руку и заплакала, жалобно взвизгнув...

Поехали в травматологический пункт, сделали снимок: сложный перелом, говорят. Представьте! Кость плохо срасталась, и девушка окончательно поправилась только к самому выпуску. Всё это время я возился с ней, ходил по больницам и всё прочее. Но мы перестали верить друг другу, как – безоглядно! – верили раньше. И это разрушило наши отношения. Скоро я узнал, что ревность была напрасной, хлыст оказался геем, и они с моей девушкой действительно только рисовали. Но поздно, она не простила. О какой дружбе можно было говорить?.. Уехала сразу же после окончания института. В том и отличие. Думаю, что барышня за соседним столиком не стала бы устраивать комедию и ломать об меня руки. Подумаешь, бывшая любовница, а теперь подруга! Чего не бывает!

Василий громко смеётся. В его смехе слышится чувство вины, поэтому, чтобы не смущать товарища, мы с Кузьмой отводим от него свои взгляды, бросаем курить и приступаем к кофе, который давно остыл.

– Грустная история. И глупая, прости за резкость. Впрочем, по молодости все мы глупцы. Вместо того чтобы верить себе, верим чужим людям, – говорю я, выждав минуту.

– Что же дальше? Ты не сразу забыл её? – спрашивает Кузьма.

– «Забыл!» – возмущается наш приятель. От избытка чувств он подпрыгивает на месте, едва не роняя при этом кресло. – Помню! По сей день! Каждый позвонок на её худой спине! Каждую волосинку!

– Зачем же ты женишься?! – поражается Кузьма, разворачиваясь и нависая над Василием в виде вопросительного знака.

– Верите, года два ни на кого не смотрел! – с чувством отвечает Василий. – Но время идёт. Страсти затухают. Моя невеста – не странно ли? – та самая филологиня! Верной оказалась. Москвичка, как и я. Позвонил ей как-то от нечего делать, она тут же откликнулась. Поначалу встречались время от времени, потом всё чаще. В итоге тянем резину одиннадцать лет, вот и до свадьбы дело дошло.

Не вставая, он передвигает кресло немного в сторону, чтобы было удобно смотреть на девушку, продолжающую читать журнал. Воспоминания взбудоражили Василия. Казалось, он весь горел изнутри, то и дело поднося ко рту бокал с водой, чтобы охладить свой пыл. При слове «свадьба» его передёрнуло. Непонимающе пожав плечами, Василий почесал в недоумении затылок, отчего его элегантная причёска

взъерошилась, и глубоко задумался. Мы тоже замолчали, переключив внимание на прохожих.

Окончательно стемнело. Вверху, под навесом, зажглись яркие лампочки, и это прибавило чувство уюта. Появилось ощущение, что мы сидим в жёлтом шатре, прозрачные стенки которого позволяли наблюдать за близкой улицей. Там прохаживались люди, в обнимку и поодиночке, и ездили машины.

– Н-да-а-а, похолодало, – снимая со спинки кресла пиджак и надевая его на себя, говорит Кузьма.

Он тронут историей Василия, его доброе веснушчатое лицо выражает сочувствие. Ему бы хотелось что-то посоветовать, подсказать, да собственные воспоминания, разбуженные рассказом товарища, вырываются наружу, и Кузьма начинает:

– Со мной случилось нечто подобное, правда с другим уклоном. В отличие от тебя, Василий, я никогда не верил своей девушке, потому что считал её слишком хорошей для себя. Ещё бы, этакая Царевна-Лебедь, а я вроде угловатого жеребёнка с разъезжающимися ногами. Нескладный, развинченный очкарик, к тому же конопатый. Мы были ровесниками, но она выглядела более взрослой и была очень ответственной. Во всём. Я носился за ней как угорелый по институту, выслеживая, с кем она разговаривает, кому улыбается. А после задавался одним и тем же вопросом – как она может любить меня, такого неказистого на вид? Высокого,

худого, словно карандаш, с узкими плечами и светлыми, совершенно бессмысленными глазами! Таким я себе казался недотёпой! Это сейчас я понимаю, что плечи любви не по-меха, а тогда думал – конец света!

И я пытал её, когда мы оставались одни. Выговаривал, грозился, что брошу, если не перестанет кокетничать с другими. Она удивлялась, отвечая: «Почему? Дело твоё, но я люблю общество», – и всё в таком духе. Так и следил до пятого курса, хотя точно знал, что она ни с кем, кроме меня, не встречается. Но мне это казалось неестественным, я был не уверен в себе. Вокруг неё так и вились стилияги в туфлях на толстенной подошве. Той зимой она уехала домой на каникулы, в Сибирь, и, вернувшись через три недели, позвонила мне, не дожидаясь, когда мы увидимся, и сказала, что вышла замуж. Вот так. И положила трубку.

Я, естественно, опешил, подумал, что это шутка! Еле дождался утра, помчался в общежитие. Она ко мне даже не вышла! И меня не пустила к себе. А когда начались занятия и я попробовал заговорить, она зыркнула на меня как на врага и отошла. Кончено. Мы никогда больше не общались, хоть и продолжали учиться в одной группе. Я, как увижу кольцо на её пальчике, чувствую, что зеленею от бешенства, но сделать ничего не могу, потому что уж я-то знал, как серьёзно она относилась к любви. Не понял, почему она так поступила? Потом только до меня дошло, что вёл я себя как последний истукан! Пять лет унижал недоверием, в то время как она

ждала от меня спокойствия. Кто-то другой дал ей его.

– Прости, она не любила тебя, если в три недели променяла на проходимца! – неожиданно зло воскликнул Василий. Его глаза гневно блеснули. – Или у неё кто-то был дома, в Сибири, с кем она встречалась? Вдвойне мерзость.

– В том-то и дело – не было! И не проходимец вовсе, а вполне приличный человек, как мне сказали. А так сошлось. Более надёжным он ей показался, или я надоел. И правда, сколько можно было терзать! Она принадлежала мне, а я каждое свидание устраивал сцены! Так и уехала из Петербурга, не сказав «до свидания». А я вскоре женился. Не стал долго ждать, когда встретил хорошую девушку. Зачем? Чтобы опять кто-то более смелый, уверенный увёл её от меня? Живём счастливо, хорошо ладим, а нашу дочку я назвал Маруся, Маша – по имени моей царевны. Жена, естественно, не знает. Ни к чему.

Кузьма взволнованно замолчал, и они с Василием, оба разом, открыто посмотрели на девушку. Почувствовав их движение, она подняла глаза от журнала и, обернувшись, сказала с улыбкой:

– Bonjour!

– Bonjour! – ответили мы хором и тут же ревностно переглянулись: кому из нас предназначался этот волшебный взгляд, блестящий и глубокий? И эта отнюдь не юная улыбка... «Как я ошибся! – подумал я. – Василий не преувеличил. С такой – как в омут с головой». Перед нами была жен-

щина лет тридцати, раскованная и уверенная в себе. Не дождавшись продолжения, она отвернулась и закурила, а Василий, подозревая официанта, заказал коньяк. Подождал, пока принесут, нервно выпил и тоже закурил.

– Что скажешь, Егор? – обратился он ко мне. – Твоя очередь, бывший военный. Как в армии насчёт любви?

– Слушая вас, вспомнил одну историю, – ответил я и после некоторого раздумья продолжил: – Да, то была настоящая любовь! Только... бесшабашная какая-то, странная. До сих пор удивляюсь! С изменами, ревностью, с жуткими ссорами – до поломки мебели доходило! Дрались, но не отпускали друг друга. Уходили, но возвращались. Куролесили по полной программе!

В девяносто первом, капитаном, меня перевели на Дальний Восток. Мы приехали с женой в часть, расположились и вскоре подружились с соседями по площадке, супружеской парой чуть младше нас. Она – полнотелая, задорная, гостеприимная хохлушка двадцати двух лет, быстрая в разговоре и скорая в движениях. На кухне всё так и горело у неё в руках! Муж года на три старше, тоже с Украины и тоже любитель поговорить, выпить. Высокий, сильный, форма сидела на нём как влитая. Весь его молодецкий, ухарский вид очень выгодно подчёркивался блестящими чёрными сапогами, коричневым ремнём и тремя маленькими звёздочками на погонах. Невооружённым взглядом было видно, что наших соседей связывает сильное чувство. Как она радовалась,

встречая его из наряда! Пылала! Через стенку было слышно её пение на кухне. И он летел на всех парусах, по пути срывая с себя бушлат... Потом вместе пели. Жарили мясо, звали нас. Летом любили кататься на велосипедах, а зимой играли в снежки.

Но стоило ему уехать куда-нибудь из отряда хоть на пару часов, к ней тут же бежал любовник. Все знали об этом! И он знал. И она знала, что муж ходит на край посёлка к местной почтальонше, молодой задиристой девке, и что в каждой деревне, куда он приезжал, у него есть другая «почтальонша». Оба знали, но относились к происходящему до удивления легко! Как к шалости. Мне иногда казалось, что романы на стороне только подзадоривали их. Может быть, так оно и было. Очень уж они любили друг друга! Бывало, не поймёшь, то ли ссорятся, то ли веселятся! Песни, крики, шум, гам!

Через полгода вместо пения мы стали слышать звон разбившейся посуды. Стало очевидным, что страсти накалились, несколько раз она приходила расстроенная, с синяком под глазом, жаловалась моей жене. «Разойдитесь!» – сказали мы во время общего ужина. «Ещё чего!» – воскликнули они обиженно и кинулись обниматься при нас. Спустя год их перевели в другой округ, и мы на время потеряли друг друга из виду, а когда случайно встретились через два года в Ялте, удивились, что они до сих пор вместе и продолжают играть в любовь. Она стала ещё краше, расцвела очень по-женски, а он возмужал. Красивая пара, шептались мы с женой, и надо

же, напасть на обоих! Невоздержание!

В девяносто шестом уволился, мы переехал в Москву. Про соседей забыли. Они напомнили о себе сами, года через два. Как-то нашли нас. Вдруг звонок! Мы в столице проездом, говорят, плюнули на службу, возвращаемся домой, на Украину! Конечно, встретились, поговорили, видим, всё те же весёлые, влюблённые, только какие-то притихшие, умиротворённые. Поглядывают с усмешкой, словно радуются общей тайне. Наконец не выдержали и объявили: «Мы решили обвенчаться!» «Это ещё зачем? – изумились мы. – Что за прихоть? Разве этим шутят?!» «А мы и не шутим, – отвечают, – вот приедем в Харьков, сначала окрестимся, потом повенчаемся, а потом и ребёнка заведём». «Да вы разве в Бога верите?» – стала допытываться моя жена. «Верим, – отвечают дружно, – боимся его, поэтому и хотим венчаться. Иначе, видно, нас не удержать». И смеются при этом.

– Ну и как? – перебивает меня Василий, не дожидаясь окончания рассказа. – Помогло?

– Наверное. Сын у них, весной три года исполнилось, – отвечаю я и замолкаю, пробуя коньяк.

Молодая женщина за соседним столиком отложила журнал в сторону и, приняв сосредоточенный вид, уставилась в темноту за шатром.

– Рад за них, – говорит облегчённо Василий, – уберегли любовь. А вот я всегда считал, если отношения дали трещину, не стоит и трудиться, чтобы их сохранить, всё равно бу-

дет таиться опасность разрыва.

– Ты архитектор, должен понимать, реставрация иногда помогает, – замечает Кузьма.

– Возможно. Я-то ведь не пытался реставрировать нашу любовь, не объяснился, не сказал, что она для меня значила. Согласился с реакцией девушки, и точка. Нет, что-то я сделал не так, – невесело заключает Василий, водя ножкой пузатого фужера по столу. Голос его становится тихим и размытым, как туман, подбирающийся со стороны Сены. – Затеял свадьбу. Спрашивается зачем? Десять лет занимаюсь недвижимостью, всё имею, однако сказать, что счастлив, не могу. Почему?..

У него давно погасла сигарета, но он не видит этого.

– Любовь не архитектура и не дворец, её нельзя заключить в заранее спланированную форму, – с философическим видом говорит Кузьма, довольный своим удачным сравнением.

– Может, стоит познакомиться с француженкой? – спрашиваю я Василия, видя его страдания. – Вдруг что-то изменится? Это шанс.

– Глупо, – говорит он. – Несерьёзно. Хотя всё тот же Ларошфуко наверняка бы сказал: «Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства». Это второй афоризм, который я запомнил, живя с филологиней. Всегда гадал, что за «положения»? Что за «безрассудство»? Да, как архитектор, я не люблю разломов, тем более неожиданных. Один раз в юности попробо-

вал пошутить, быть безрассудным – и что вышло? Потерял девушку, которую любил. Но сейчас вижу, что капля сумасбродства мне бы не помешала. Что-то я проглядел в жизни. Замазал проблему, но не справился с ней. Впрочем, – Василий уронил голову на грудь, – мне всё кажется.

– Non, ce n'est pas votre imagination! – обернувшись к нам, вдруг горячо и пылко заговорила наша соседка, не обращая внимания на нас с Кузьмой и обращаясь только к Василию, словно уверенная, что он должен понять её. – Non, ce n'est pas votre imagination. Si vous y penser, vous n'imaginez donc point. C'est la vérité. Mais vous vous trompez sur une chose, je me casserais les mains en vous tapent si je vous aimais, car très souvent nos émotions et notre amour dictent nos actions et comportements. C'est pas bien, mais ce n'est pas mauvais non plus, c'est juste la manière comme sont les choses. Et cette fi lle vous aimait vraiment¹⁰.

Влажные глаза её блестели, а губы вздрагивали. Василий, подняв голову и выпучив глаза, не отрываясь следил за губами девушки, будто старался по ним прочесть, что она говорила. Но её понял даже Кузьма, который в эту минуту отвечал на телефонный звонок. Он прервал разговор с московским офисом и сказал:

– Друзья, она права. Главное в жизни – это любовь.

---

¹⁰ Нет, не кажется! Если вы об этом думаете, значит, вам не кажется. Так оно и есть! Только вы не правы, я бы тоже сломала о вас свои руки, если бы любила, потому что нашими поступками часто управляют наши чувства, наша любовь. Это ни плохо и ни хорошо, это правда. А девушка любила вас (*фр.*).

Француженка смутилась, видя наше изумление, и с извиняющейся улыбкой пояснила:

– Я могу понимать. Я немного училась в Москве. Pardon.

– Кузьма, – громко сказал я, – как считаешь, прав был Ларошфуко?

– Да, нам пора. Пройдёмся, подышим, – невпопад ответил Кузьма, поднимаясь вслед за мной.

Мы оставили их в шатре, каждого за своим столиком, а сами вышли в ночную праздничность улицы, приглушённую лёгким туманом. Лужи высохли, фонари горели ярко, пробиваясь сквозь влажный воздух, всё было пропитано запахом свежести. Мы пошли, неспешно разговаривая и наслаждаясь вечерним настроением Парижа.

– Как ты думаешь, получится у них? – утвердительно спросил Кузьма, взглянув на меня с высоты своего роста.

– Поверим случаю, – ответил я, раздумывая над словами французского моралиста...

28 июля 2012, Китай

Командировка

Роман был молод, но уже разочарован в жизни.

Двадцатисемилетний возраст казался ему порогом, за которым следуют пустота и мрак. Трудно верить в счастье и ждать любви, когда нет надежды, что тобой могут заинтересоваться! В юности Роман не казался себе уродливым, как теперь, поэтому ещё мечтал. Но, повзрослев, сообразил, почему девушки не обращают на него внимания. В лучшем случае окинут презрительным взглядом и пройдут мимо, а в худшем открыто засмеются, заставив вздрогнуть. В душе Романа появилась боль, прогнавшая мечты о встрече с прекрасной незнакомкой. Он хотел любви, но знал: с такой наружностью, как у него, нужно забыть о счастье.

Высокий рост, чересчур прямые ноги, крутые плечи и огромная голова делали фигуру Романа нескладной. Шевелюра тёмных густых волос, немного выующихся, отливающих блеском, не украшала, а лишь подчёркивала его внешность, недостойную такой роскоши. Грубое лицо с твёрдыми, будто выбитыми из камня скулами, блеклые тоскующие глаза, сидящие так близко друг от друга, что издали казались одной узкой щелью, широкие крылья носа, бледная кожа и длинные руки с могучими кулаками – всё в облике молодого мужчины вызывало желание отвести от него взгляд.

Стыдясь своей неуклюжести, пытаюсь преодолеть её, Ро-

ман двигался размашисто и сильно, подобно роботу, потерявшему управление. Задевал стены, двери, мебель и беспрестанно натякался на людей. Знакомые, помня это, старались держаться от него подальше, чтобы лишний раз не ввергать парня в смущение. Но в ответ на их доброту он ещё больше конфузился, а от чувства признательности становился как деревянный.

Он был хорошо образован. После школы отслужил два года в зенитных войсках, без труда поступил на философский факультет Московского государственного университета, по окончании которого долго не мог найти работу. Наружность Романа отталкивала от него людей, а расположить их к себе разговором никогда не хватало времени. Видя перед собой нелепую фигуру молодого специалиста, никто не хотел прислушаться к мягкому, проникновенному голосу Романа, никто не стремился понять его. Куда бы он ни обращался, везде получал отказ. Время тогда началось тревожное – девятые годы. Могучая держава, будто подкошенный колосс, разваливалась на части. Казалось, что вместе со спокойствием общество потеряло и способность думать. Одни крушили жизнь, провозглашая отжившим всё, что ещё вчера имело нравственную ценность, а другие искали, где укрыться от тех, кто крушил. На страну надвигалось страшное, непонятное, в чём философам не было места.

Помыкавшись, Роман уехал в Иркутск, поближе к родителям, жившим неподалёку, в деревне. Пристроился води-

телем на загородной стройке, с чувством облегчения заметив, что никому и дела нет до его габаритов. Возможно, оттого что смущаться здесь было некого, появилась внутренняя раскованность. Он стал тише, натуральнее двигаться, без опасения что-то сломать или на кого-то наткнуться. Быстро обучился работе на экскаваторе, и уже через месяц управляемая им машина легко ворочала огромным ковшом, перенося пласты грунта с места на место. Когда ему кричали с земли: «Эй, мыслитель! Не зевай!», Роман понимал, что с прошлым покончено навсегда, и с ещё большим энтузиазмом двигал рычагами, заставляя машину вгрызаться в землю. Он с усмешкой вспоминал о том, как когда-то «вгрызался» в науку, мечтая постичь суть отвлечённых понятий, не имеющих сейчас никакого значения. Усталость, постоянное чувство голода через два года вытеснили из Романа любопытство к жизни, заставив забыть о своей специальности. О ней изредка напоминал прораб, говоривший при встречах одно и то же:

– Смотрю я на тебя, философ, и диву даюсь: ты вроде современного Диогена! Только тот в бочку залез, а ты в экскаватор. Возишься в грязи. Не обидно?

– Ничуть! – привычно откликнулся Роман, зная, что в следующий раз начальник снова спросит про Диогена. – Работа на стройке уравнивала мой дух, мучимый противоречиями по поводу всеобщего устройства, я понял, что ни в чём нет совершенства! Борьба мнений и идеалов приводит к

уничтожению людей, жизнь человека не стоит ломаного гроша! В мире, сляпанном по принципу «после меня хоть трава не расти», притупляются возвышенные чувства. Не имея моральных ориентиров, в нём легко заблудиться. Где добро? Зло? Где справедливость? Никто не знает. Почему, думал я раньше, философия до сих пор не дала ответа на вопрос, зачем нам знания, если они не делают нас счастливыми? Что делает нас счастливыми? А теперь понимаю: потому и не даёт ответа, что счастье невозможно. Категорически невозможно: не найдена ещё его константа, его причина. Всё в мире непостоянно, в том числе и любовь. Может, не стоит и искать? Когда знаешь причину, перестаёшь удивляться, а где нет удивления, там нет радости бытия. Как думаешь, Степаныч?

– Это ты загнул! Я, к примеру, знаю причину нашего счастья: скоро зарплата. Однако ж не перестаю удивляться, почему нам платят? Соседняя стройка уже полгода стоит, разбежался народ без денег-то, – возражал начальник, с уважением слушая Романа, и спрашивал: – Поди-ка ж, тоскливо тебе с нами? В Москву, небось, хочется?

– Не хочется, – отвечал Роман. – Когда-то я сомневался в пользе грубого физического труда, а сейчас нахожу, что только он и приближает нас к пониманию сущности жизни. Добыть кусок хлеба на обед – вот что движет техническим прогрессом! Кроме того, я вижу в тяжёлом труде нечто вроде угла, нечто вроде кельи, где можно скрыться от внешнего

мира. Уйти от него, забыть! Физическая усталость помогает мне в этом. Какой я Диоген? Тот лежал, от безделья уставившись в небо, думал о высоком! У меня же одна мечта – добраться до кровати! И взгляд мой упирается в землю.

– Не забывай, в земле корни, начало всему, – говорил начальник.

Дождавшись слов о роли физического труда, нравившихся ему тем, что они поднимали стройку над философией, прораб дружески хлопал Романа по плечу и спешил в контору. Однажды, вместо того чтобы затеять разговор о разнице между бочкой и экскаватором, он закричал:

– Диоген! Собирайся в командировку! Едешь в Ташкент за овощами для стройтреста. Руководство решило едой заманивать рабочих. – И захохотал, заметив, как растерялся «мыслитель».

Трудно предположить дальнейшую судьбу Романа, если бы не это событие, изменившее всю его жизнь. Поручение, связанное с поездкой в столицу Узбекистана, было пустяковым, на пару дней. Ожидая, что дело не займёт много времени, он приготовился отдохнуть, внутренне восторженно встрепенувшись от мысли о восточных мавзолеях, о которых читал, что они самые красивые в бывшем Союзе. Прежде Роману не доводилось бывать нигде, кроме Украины. Он помнит, как гостил после третьего курса у товарища в Чернигове. Город поразило его обилием церквей. Их купола так и остались стоять перед глазами, а глубинная, исходящая от икон мудрость на-

долго запала в душу. Посмотреть восточную архитектуру с этой точки зрения было бы весьма интересно. Командировка представлялась заманчивой.

Выйдя из самолёта, Роман свернул меховую куртку, радуясь погоде: конец марта, а воздух жаркий, словно в середине лета! Из окна комфортабельного автобуса он с любопытством разглядывал городские проспекты, поражаясь их ширине и наличию буйной зелени по сторонам дорог. Повсюду играли фонтаны. На душе было светло, как никогда. Устроившись в гостинице, Роман бегом спустился к выходу, намереваясь отправиться на пешую прогулку, как вдруг услышал гром. На ясном небе показались тучи. Нега душной атмосферы нарушилась, пришлось остановиться.

Он застыл, удивляясь внезапному грохоту, который падал на него сверху, и почему-то вздрогнул, ощутив на лице освежающее движение воздуха. День потемнел. Сверкнула молния вдаль, опять ударил гром, и пошёл дождь, неправдоподобно прозрачный и тёплый. Предчувствие чего-то важного охватило Романа, словно кто-то подал ему знак о скорой большой радости. Повинуясь нахлынувшим эмоциям, он расправил сколько мог плечи, чтобы глубоко вздохнуть, и снова дёрнулся.

На крыльцо вспорхнула молодая девушка в пёстрых, дощиколотки штанах и в таком же пёстром лёгоньком платице. Остановившись неподалёку, бросив у ног объёмную цветастую сумку она принялась весело стряхивать капли дождя

с рук. Роман едва перевёл дыхание, как всхрипнул и в восхищении уставился на узбечку. Длинные косы струились двумя чёрными лентами через грудь девушки к полным бёдрам. Смуглая кожа, узкие, блестящие молодостью глаза, пухлые губы – каждая чёрточка на её лице излучала радость, отозвавшуюся эхом в душе Романа. Никогда он не знал таких ласковых, таких заинтересованных взглядов, какие бросала на него красавица. Никогда не чувствовал себя таким храбрым! «Лет двадцати», – подумал он, наслаждаясь грацией незнакомки и поддаваясь очарованию минуты.

Отряхнувшись, девушка выпрямилась. Она открыто посмотрела на него снизу вверх, пригладив ладошками волосы надо лбом, и мило улыбнулась. Романа будто подбросило. Удалая храбрость сменилась внезапной безмятежностью. Непринуждённая солидность так и разлилась по всему его телу, заставив позабыть о прежних страхах и побудив сделать неожиданное. Он громко сказал, обращаясь к девушке:

– Добрый вечер, я гость вашего города. Где можно поужинать, не подскажите?

Сказал и поразился крепкой уверенности, которую услышал в собственном голосе. Эта уверенность подсказывала, что девушка оценила его солидность и ответит ему. Они вместе поедут ужинать, а после ужина будет то, что давно, в ранней юности, у него было один-единственный раз, и то случайно, впопыхах и очень неловко. Сегодня всё будет по-другому, потому что он стал другим. Девушка согласилась:

– Подскажу! Я знаю, где хорошая кухня.

Звуки её мягкого голоса проникли в самое сердце Романа. Ему захотелось заплакать. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Тучки уплыли на запад. Туда же клонилось солнце, прощально сверкая в невинном небе. Всё стало тихим и безмятежным, с широких листьев старого платана на землю медленно стекали крупные капли чистой воды. Девушка остановила такси. Они поехали в ресторан, где сначала ели вкусную дымящуюся лапшу с овощами и мясом, потом румяную, с тонкой корочкой самсу, пили горячий чай с медовой пахлавой, а на десерт – прохладные сладкие дыни.

Во весь ужин Роман почти не слушал, что говорила черноглазая спутница. Он будто оглох, превратившись в желание любви. Видя, как шевелятся яркие губы девушки, как двигаются над столом её голые руки, он наливался нетерпеливой злостью и жадно ел. Шумно втягивая лапшу, громко жевал, словно нарочно демонстрировал грубость. Не ощутил вкуса самсы и не понял, когда девушка сказала, что это их главное национальное блюдо. Торопясь поскорей утолить голод, проглатывал горячую еду кусками, но чувство сытости не приходило, будто внутри него зиял бездонный провал, требующий новой порции добавки. Он снова и снова тянулся за лепёшкой, просил принести мяса и остановился, когда почувствовал тошноту. Впившись в мякоть дыни, чтобы успокоить обожжённые губы, замер на секунду, после чего встал. Кинул деньги в пустую пепельницу.

– Довольно! – сказал Роман резко, понимая, что не справится с провалом внутри себя до тех пор, пока не испытает любовь девушки.

Мысль, что нужно бросить сибирскую стройку и остаться в жарком Ташкенте, промелькнула в его голове, показавшись естественной.

– Вставай! Поехали! – велел он, возбуждаясь от своей решимости и от той готовности, с которой узбечка поднялась из-за стола.

– Как звать тебя? – спросил он уже в такси.

– Гульнара, – был ответ.

При звуках непривычно-таинственного имени его охватила дрожь. Волнение улеглось, лишь только они вошли в номер, когда девушка, направившись в ванную комнату, игриво сказала:

– Сейчас переоденусь!

– Зачем? – всполошился Роман, хватая её за руку.

– Надо!

Она достала из сумки чёрное бельё, зловеще сверкнувшее в свете лампочки, и Роман всё понял. Ему стало гадко: ждать любви, а нарваться на проститутку! Какое унижение! Разве не видно было на крыльце, кто перед ним? Позволил себе обмануться! Он жалко засмеялся, теряя уверенность и превращаясь в прежнего Романа, каким был до стройки. Боясь, что девушка почувствует происходящую в нём перемену и поймёт его смущение, он сильно дёрнул её и упал вместе с

ней на кровать, задыхаясь от голода и стыда. Потом спросил, с ненавистью разглядывая круглое, с приплюснутым носом лицо узбечки:

– Зачем ты это делаешь без любви? Разве у вас разрешается?

– Смешной! В наше время многое разрешается. Не переживай. Я с тебя денег не возьму. Ведь ты не ожидал, что я продажная. Я тебе понравилась, да? У тебя это впервые? – удивлялась девушка, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Понравилась, да, – пусто ответил Роман, отворачиваясь к стене, – уходи.

Гульнара ушла. На прощанье потрепала Романа по его роскошным волосам, успокаивая, а он так и остался неподвижно лежать в скомканной постели при включённом свете всё с тем же ощущением бездонной бочки внутри себя. Утром он никуда не пошёл, только выпил немного воды из графина и снова лёг, плотно закрыв глаза. Вечером в дверь номера долго стучали и что-то невнятно говорили. Роман не ответил, и настойчивый стук прекратился.

На следующий день, не выполнив задания, не вспомнив про мавзолеи, он улетел в Иркутск. Прямо из аэропорта отправился на автовокзал, где взял билет до родной деревни, а уже через несколько часов был в доме у родителей, изумлённых его внезапным появлением. Не поздоровавшись, полез в старую деревянную тумбочку возле кровати, вынул из жестяной коробочки медный крестик и надел на себя. Сто-

явшая за его спиной мать от волнения не могла вымолвить ни слова.

– Что ты, что ты, сынок?.. – растерянно, с испугом шептала она.

– Душа болит, мама, – сказал Роман, опускаясь перед ней на колени. – Благословите...

– Как это?! Не умею... Ведь я неверующая, Рома... некрещёная. Тебя моя бабка крестила. А крестик через год отобрал твой дед, мой отец, помнишь? Когда ты в третьем классе учился... Приехал, сорвал – и в крапиву! Я страшно обожглась, когда разыскивала. Хоть не золотой, но... семейный. Отец вскоре под телегу попал, недолго пожил...

Мать заплакала.

– Благословите, благословите... – бубнил Роман, сильно тряся головой.

Собрав пальцы правой руки в щепотку, женщина неумело перекрестила своего сына.

Потом он много ел – пельмени, жареную картошку, квашеную капусту с луком, пил чай с вареньем и долго спал. Проснувшись, пообещал родителям, что обо всём напишет позже, наскоро позавтракал и уехал в город. Без промедления отправился в недавно выстроенную церковь на краю Иркутска, о которой вспомнил, оставшись один в гостинице. После ухода Гульнары ему пришло на ум, что, проезжая мимо церкви, он всегда думал о любви. Но не о той любви, которая обижает, делая человека слабым, а о другой. О той,

что постоянна и обещает быть с ним всегда, независимо от времени и обстоятельств, независимо от того, какая у него внешность и какой характер. Лёжа на кровати в гостиничном номере, Роман услышал, как та любовь зовёт его... До боли в сердце ему захотелось испытать её на себе.

Приехав в церковь, он дождался окончания утренней службы, после чего подошёл к настоятелю, мужчине средних лет с ясным взором и седой бородой. Твёрдо глядя ему в глаза, попросил:

– Возьмите на работу, батюшка. На любую. Которая потяжелей, я привычный.

– Тяжелей своего креста ничего нет, – сказал священник, обдав Романа теплотой взгляда.

Его взяли истопником в котельную, предупредив, что жить придётся там же, в маленькой комнатухе, что очень обрадовало Романа. Видеть ему никого не хотелось. Через год, успешно сдав экзамены в Московскую духовную академию, он был зачислен в студенты.

Декабрь 2011, май 2014, Янтай

Йо-йо

Будучи проездом в некогда родных краях, решил заодно навестить и город, где прошло моё детство, где я окончил школу. Увидел знакомую станцию, деревянный вокзал с крылечком в пять ступенек, зелёные скамейки в старом сквере, и что-то дрогнуло в моей душе. Схватил свой небольшой походный чемоданчик и выскочил из вагона. Судя по всему, я был единственным пассажиром, кто это сделал. Ни одного человека вокруг! Электровоз дал длинный гудок, поезд тронулся, а я в недоумении оглянулся, не готовый к встрече с прошлым. Оно смотрело на меня глазами чистых стёкол газетного киоска на перроне, напоминая тот яркий, в золоте листьев, двадцатипятилетней давности октябрь. Здесь я прощался со своей любовью, прячась за киоском от любопытных взглядов товарищей, провожавших меня в армию, здесь давал клятву, что не забуду её, мою медоносную пчёлку... Так называл я девушку иногда, чувствуя на своих губах вкус сладкого нектара от её робких, стыдливых поцелуев.

«Жди меня, – сказал я тогда, – три года пролетят быстро. Вернусь, и мы уедем в Москву, поступим в университет. Тем, кто отслужил, большие льготы, а ты на рабфак пойдёшь. После того как поработаешь в нашей районной газете, тебя возьмут, я уверен». Это было начало восьмидесятых, когда ещё можно было таким образом поступить на учё-

бу, другим путём пробиться в столичный вуз с периферии было невозможно. А тут оставался шанс. Мы договорились, что она пропустит эти три года и не будет никуда поступать, несмотря на её красный диплом, – так нам хотелось учиться вместе. «Хорошо, – кивала она головой, судорожно цепляясь обеими руками за мою шею, – я буду ждать. Если ты говоришь, надо работать, чтобы быть потом вместе, я буду работать. Но только для того, чтобы ждать тебя».

Я уехал и уже никогда не вернулся. Родители мои перебрались в Ленинград, к месту моей службы, и через три года незачем было возвращаться в далёкий сибирский городишко. О девушке я скоро забыл, потому что отвечать на её тоскливые письма было некогда. Ещё служа во флоте, вдруг решил, что стану дипломатом, поэтому всерьёз занялся книгами, читая всё подряд, что находил в матросской библиотеке. После армии легко поступил в университет, блестяще окончил его, удачно женился на дочери городского чиновника и прекрасно зажил с ней. Моя карьера дипломата не состоялась. Страна развалилась, многие действующие дипломаты оказались без работы. Увидев это, я занялся бизнесом и скоро понял, что не прогадал: деньги сами текли ко мне. И, глядя на молодую жену, квартиру в центре города, машину на стоянке, чувствовал себя вполне счастливым человеком. И вдруг – это предложение съездить в Сибирь! В город, рядом с которым прошло моё детство. Я не смог отказаться.

Над закрытым оконцем киоска торчала надпись: «Обед»,

хотя время давно близилось к полднику и чувствовалось, что летний день перевалил за пик жары. Градусов двадцать пять, не больше, подумал я. Уладив с кассиршей вопрос по билету, поменяв его на ближайший скорый, сдал чемодан в камеру хранения и отправился на встречу... К кому? Зачем? Ведь всё заранее известно: уменьшившиеся в размерах улицы, осевшие дома, постаревшие, изменившиеся до неузнаваемости лица одноклассников, их глупые вопросы, вроде того, чем занимаешься, как дела? Это злит меня. Стоит взглянуть на мои туфли и часы, как становится понятно, что занимаюсь я делами, которые в двух словах объяснить невозможно. Сам не знаю, что я хотел здесь увидеть? Кого? Её, мою школьную любовь? Но смешно думать, что она по-прежнему живёт здесь, с её-то красным дипломом и талантами к журналистике! Впрочем, как знать...

Досадуя на свою внезапную сентиментальность, незнакомую и чуждую моему характеру, я хотел было остаться в сквере и никуда не ходить, но, посмотрев на часы, передумал. Пять часов до поезда, едва ли можно высидеть! Подошёл к такси, одиноко стоявшему на тихой привокзальной площади, попросил водителя, осветившего меня счастливой улыбкой, проехать по городу и вернуться назад.

– Из наших? – вежливо спросил он, стараясь не выглядеть подобострастным.

– Нет, – ответил я неприветливо, желая избежать пустого разговора. – Пересадка.

Водитель понял моё настроение и всю дорогу молчал, не мешая разглядывать улицы, на которых почти не было прохожих. Печальное зрелище! Поездка по городу принесла одно разочарование, ради этого не стоило прыгать с поезда, подумал я, всё больше мрачняя от своей нелепой, детской выходки. Без радости взглянул на родительский дом, выкрашенный в грязно-коричневый цвет и окружённый новым забором. Там жила другая семья. Зачем мне знать это? Выйдя на минуту из машины, услышал детские голоса и жалобное тьяканье щенка. Зачем мне слышать это? Всё стало чужим. Равнодушно постоял возле школы, удивляясь пустынности двора, прошёлся вдоль рынка, отметив скудность прилавков, зашёл в центральный магазин, купил минеральной воды с сомнительной наклейкой на пластмассовой бутылке, послушал, как ругаются два парня у пивной бочки, и окончательно понял бездумность своей затеи. Ни к чему всё это. Дело прошлое.

Вернулся на вокзал, забрал багаж и решил дожидаться поезда в сквере под топодем, упражняясь в игру «йо-йо», что всегда меня здорово успокаивало. Куда приятнее, чем искать прошлогодний снег или слушать чужие разговоры! Но сегодня и любимое занятие показалось мне скучным, напомнив о том, что купил я эту игрушку для моей девушки в первые пять минут, как сошёл с поезда в Ленинграде, прямо на вокзале, у трусливого фарцовщика, подбежавшего к нам, пока мы ожидали сопровождающего. Вспомнил, как хранил её

тайно, собираясь отправить, а потом сам привык к игрушке. Я устроился на скамейке, но не просидел и пяти минут. Поднявшийся ветер в считанные секунды вскружил пыль у ног, бросив в лицо горсть окурков, и небо заволокло тяжёлой завесой дыма. Смешавшись с вечерними сумерками, дым сделался похожим на ядовитые чернила, которые выпускает впереди себя кальмар, почувствовав опасность. «Тайга горит», – подумал я, вспомнив последние известия, и потащился на вокзал. «Остолоп! Настоящий остолоп! – ругал я себя, присаживаясь у окна в зале ожидания. – Так испортить командировку!»

Тем не менее оставшиеся до прихода поезда два часа пролетели незаметно. Машинально сжимая и разжимая ладонь, чтобы выпустить и снова поймать потемневшую от времени, некогда жёлтую, а теперь почти чёрную деревянную катушку, я разглядывал газетный киоск, наблюдая за тем, как к нему подходят люди, видимо работавшие на станции. Обходчики поездов в ржавой одежде, буфетчица с белым колпачком на голове, уборщица в синем халате, кассирша в форменной рубашке – все они надолго останавливались перед круглым оконцем ларька, о чём-то беседовали с сидящей внутри него женщиной и пили пиво, которое она им подавала. Буфетчица, та даже зашла для удобства в ларёк и пробыла там минут двадцать, после чего весело помчалась в сторону площади. Хозяйка ларька, маленькая женщина, одетая в тёмную юбку и белую кофточку, два раза покидала свой

пост. Оставив дверь полуоткрытой, выпрыгивала из ларька, куда-то бежала и через несколько минут возвращалась назад с двумя бутылками пива в каждой руке. «Воду здесь, видимо, никто не пьёт. А газетный ларёк что-то вроде культурного центра», – подумалось мне.

В зале ожидания появились несколько человек с кульками и дорожными сумками. Нетерпение моё достигло предела, и я вышел на перрон, чтобы увидеть наконец поезд, о прибытии которого объявили по хриплому радио. Радуюсь и облегчённо вздыхая, что встреча с прошлым подошла к концу, я остановился перед киоском, пристально вглядываясь в сторону запада. Показались огни электровоза, и долгожданный скорый поезд Москва – Владивосток, шипя и отдуваясь, стал медленно приближаться к перрону. В это время меня окликнул неуверенный женский голос, назвавший меня школьным прозвищем:

– Боб!.. Не может быть! Это ты?

Я обернулся и упёрся взглядом прямо в глаза хозяйки газетного киоска, которая нагнулась к оконцу и как-то боком, снизу вверх, пыталась меня рассмотреть. Отёкшее, нездоровое лицо с припухлыми губами и мешками вокруг глаз, серый цвет кожи и крупные мочки ушей, оттянутые тяжёлыми металлическими серёжками в виде странных насекомых, заставили меня отшатнуться. Я узнал мою девушку, ту самую медоносную пчёлку, память о которой исподволь тревожила меня. Без сомнения, это была она, только очень постаревшая

в свои сорок два года и подурневшая. Если бы не родинка на её правой щеке да не взгляд, полный тоски и печали, я бы вряд ли узнал мою первую любовь.

Поезд остановился, проводники открыли вагоны, в некоторые из них стали карабкаться люди с кулками. Искося наблюдая за их действиями, чтобы сориентироваться и не опоздать – поезд стоял всего две минуты, я смотрел на женщину, заставляя себя молчать, чтобы не сделать ещё какую-нибудь глупость и чтобы не выглядеть пошлым в собственных глазах. Заворожённая моим суровым взглядом, она тоже ничего не говорила, до конца не уверенная, не обозналась ли? Я резко положил на прилавок киоска, под самый подбородок женщины, свою игрушку, лишь бы отвлечь её внимание от моего лица, и стал спиной отступать к вагону. Женщина схватила деревяшку, продолжая смотреть снизу вверх, я тоже был не в силах оторваться от её прозрачных, выпланных глаз.

Эти глаза... они сказали о многом. О том, что девушка ждала меня три года, писала письма в пустоту, работала в редакции газеты, с каждым годом теряя к ней интерес, пока не поняла, что всё закончилось в тот момент, когда мы разомкнули свои объятия за старым газетным киоском и я вспрыгнул в поезд. Она поняла это и ужаснулась. Ужаснулся и я сейчас.

«Безумие! Разве можно было так погубить свою жизнь? Из-за необдуманного, второпях брошенного обещания? –

подумал я раздражённо, со злостью отворачиваясь от ожидающих глаз женщины и прыгая на подножку вагона. – И это к ней я хотел вернуться?..»

30 июля 2012, Китай

Жуть...

Виктория, дочка начальницы студенческого общежития, сидит на кухне у своих подружек, в их маленькой квартирке, которую Ольга с Тamarой снимают «пополам на пополам», и с важным, таинственным видом говорит, взволнованно вдыхая сигаретный дым:

– Ой, девочки! Вы не представляете, как это было неприятно!

Она указательным пальцем стряхивает пепел в белое блюдечко, час назад поставленное Ольгой на середину стола и уже полное окурков, тушит сигарету, окунув её в кружку с кофе, давно остывшим и сплошь покрытым плёнкой пепла, берёт следующую, нетерпеливо и жадно прикуривает, как после большого и вынужденного перерыва, и глубоко затягивается. Её круглые, как у совы, глаза под впечатлением воспоминаний стали глупыми, хотя квадратное лицо с выщипанными в ниточку бровями и мясистым носом выражает некоторую серьёзность. Вика считает себя взрослой в этот момент.

– Ой, девчонки! – повторяет она. – Очень неприятно, скажу я вам. Общая палата, общий туалет, на обед бурда, родильный зал человек на восемь... и вообще жуть! Жуть!!! Представляете, это был мальчик. Живой. Красненький, с ма-аленькими ручками и ножками! Вот такими! Я успела рас-

смотреть, специально перед моим лицом держали.

И Виктория показывает, какие были ручки и ножки у мальчика, которого врачи искусственно заставили покинуть её молодое, здоровое тело и выброситься наружу, прямо в подставленное для него ведро. Вот такие! Она оставляет на секунду сигарету и расстоянием между двумя указательными пальцами определяет их длину – чуть меньше чайной ложечки, лежащей рядом с кружкой. Ольга и Тамара вздрагивают, одновременно передёргивая плечами, и продолжают изумлённо смотреть на Вику, которая сидит перед ними в свободном платье («не успела переодеться, заехала к вам сразу из больницы!»), закинув ногу на ногу, и курит без передышки, иногда поправляя бюстгальтер с вложенными в него толстыми марлевыми прокладками.

– Надо же, – покачала кудрявой головой Ольга, тоже закуривая и разглядывая ничуть не изменившуюся фигуру Вики, как всегда, чуть полноватую, с круглой грудью и широкими бёдрами, – никто и не заметил...

– Даже мама! – смеётся Виктория. – Обратила внимание, только когда я сшила себе это платье. Зачем, спрашивает, ты же не любишь «бабскую» одежду? И давай меня вертеть в разные стороны. А потом – хлесть! По щекам! По щекам! С оттяжкой! Потаскуха, кричит! Чтобы завтра же избавилась! Вместе пойдём! На ремне отведу!

– Надо же! – поражается Ольга. – А ты ребёнка хотела? Не рано ли? Ведь впереди ещё два года учёбы. Да и летняя

сессия на носу.

– Нет, девочки, не хотела. Я не дура. Так получилось, – строго произносит Виктория. – Я и сама не сразу поняла, думала, а, ерунда какая-то! А тут шесть месяцев!

Она понижает свой голос до шёпота и говорит, сильно склонившись над столом:

– Прикиньте! Даже не знаю, кто отец. В это время встречалась с Алёшкой и Вовкой, как вы думаете, говорить им?

Девушки ничего не отвечают. Обе вытаращили глаза, осмысливая сказанное, и думают об одном и том же. О том, как мама Виктории, Татьяна Сергеевна, выселила их в прошлом году из студенческого общежития под предлогом нарушения дисциплины, поймав на том, что однажды они вернулись из города после двенадцати ночи. Потом пришлось очень долго искать жильё, пока не наткнулись на эту вот квартирку на девятом этаже. На самом деле позднее возвращение было чушью, «отмазкой». Татьяна Сергеевне нужно было оторвать Вику от общежития, где та пропадала целыми днями, пропуская занятия и скрываясь от матери по этажам. Виктория тогда даже словом не заступилась за подруг, а ведь могла. Придралась Татьяна Сергеевна к ним, а выходит, что зря, не уберегла дочь. Вика как гуляла, так и продолжает гулять, завела себе новых подружек в общежитии, старше курсом. А Вовка с Алёшкой – кто они такие?..

– Как же так? – неуверенно произносит Тамара, худенькая, темноволосая девушка. Во всё время разговора она не

выпускает из рук серебряного крестика, висевшего у неё на груди. Машинально оттягивая цепочку она выставляет его впереди себя, словно желая защититься от того страшного, что исходит от подружки.

– Говорят, грех это, Вика. А тут даже не бесформенный зародыш, а ребёнок с настоящими ручками и ножками. Мальчик.

– Верующая, что ли? – искренне удивляется Виктория, окуная с размаху недокуренную сигарету в кофе. – Или за модой гонишься? Ты у нас всегда впереди всей планеты.

– Но ты же убила его. Как же ты теперь? – настаивает Тамара, и её синие глаза становятся сумрачными.

– Фу! Смотрю я на тебя, и меня снова жуть берёт, какая ты бессердечная! Девчонки, я к вам за утешением пришла, а вы... Да ну вас! Позвоню пацанам, расскажу, может быть, они более чуткие! Пожалеют! – говорит обиженным тоном Виктория и достаёт из сумки телефон.

13 июня 2012, Китай

Язычница

Она широко обмахивалась веером, когда я вышел из темноты и остановился неподалёку. Быстро взглянула на меня поверх шёлковых птиц, подвинулась, освобождая место на узкой деревянной скамейке, и захлопнула веер. Будто знала, что искал её. Я сел рядом. Впереди серебрилась Обь, догорал костёр на поляне и повсюду бродили влюблённые пары, уставшие от игрищ и ночных гаданий. Иван Купала уходил, оставляя после себя засохшие венки и пепел от сгоревшего огромного колеса...

Я увидел её в середине ночи, когда праздник был в самом разгаре. Парни и девушки только начали прыжки через костёр под песни фольклорного ансамбля, который ещё больше разогревал обстановку. Она стояла на краю поляны одна и внимательно смотрела на выступающих. На её голове был венок из трав, а в руках веер. Меня поразило её лицо, всё в отблесках костра, очень русское, славянское, очень подходящее к этому старинному празднику. Контраст между простоватым венком, цветастым сарафаном на широких лямках с белой сорочкой под ним и тонким китайским веером, слабо трепетавшим в её руках, показался мне вершиной изыска. Я словно запнулся обо что-то невидимое...

Почувствовав, что на неё смотрят, она метнула в мою сторону взгляд, полный горделивой уверенности в себе, но, ис-

пугавшись моего откровения, тут же отвела глаза. Я направился к ней, но не успел. Длинная, ниже пояса коса мелькнула в воздухе атласной лентой на конце, скрываясь в толпе, и я потерял незнакомку из виду. «Девница? Женщина? – подумал я, вспоминая высокую, статную фигуру и летящую поступь. – На Купалу не разберёшь, юные девушки – как опытные женщины, а женщины – словно неопытные девчонки, все запреты снимаются».

И вот – одна, на скамейке, под тихим светом убывающей луны. Вытянутые вперёд ноги в сандалиях удобно скрещены, под сарафаном выпирают крепкие коленки, белые кисти рук спокойны, шёлковая розовая шаль замерла на плечах, будто прислушиваясь к настроению хозяйки, а перекинутая на грудь коса с застрявшими в ней сухими травинками пахнет лугом. Упрямый, волевой подбородок, маленький рот, и глаза – как два тёмных бездонных колодца... У меня дух захватило.

Моя соседка поёжилась. Звёзды в небе растаяли, от реки понесло сыростью – самая короткая и самая странная ночь в году заканчивалась, отрезвлённая близким рассветом. Я спросил, каждой жилой ощущая энергию сгоревшего костра: – Вам удалось найти папоротник?

Видя, что она не отвечает, раздумывая, начать ли со мной разговор, шутливо добавил:

– Я, кажется, нашёл. – И кивнул на её веер.

Она развернула нарисованную птицу и удивлённо покача-

ла головой:

– В самом деле. Никогда не замечала, что крылья так похожи на папоротник!

Я поразился её голосу, который оказался глубоким, профессионально поставленным. «Наверное, певица», – подумал я, разглядывая её артистический наряд и радуясь тому, что чувствую её близость.

– Кто вы? – спросила она. – Нездешний, это сразу слышно. Но и не москвич, и не из центральной России, там не говорят так чисто. Как очутились у нас в Томске?

– Случайно. А может быть, по инерции выбросило. Слишком быстро бегу по жизни.

– Космополит, значит?

– Можно и так сказать.

– Похожи на гусара – выправка, усы, взгляд победоносный.

– Почти угадали! – рассмеялся я, радуясь тому, что, кажется, зацепил её.

Наклонился и поцеловал в руку ниже локтя, в то место, где заканчивался рукав её тонкой сорочки. Она не пошелухнулась. Я поцеловал ещё раз, и ещё раз, и ещё, руками отодвигая кромку рукава...

– Угадала. Гусар! Не знающий отказа, – сказала она иронично. – Так?

Я молча кивнул, продолжая целовать руку, пахнущую чем-то дурманным.

– Вам понравился праздник? Вы почувствовали его настроение? – спросила она серьёзно, не отнимая у меня своей руки.

– Мне понравились вы и ваш веер, это честно. – Выпрямился, придвигаясь к ней поближе. – И праздник, разумеется, тоже понравился. Вот уж не думал увидеть здесь такое! Полагал, что всё давно забыто. Оказывается, нет. И песни поют старинные.

– Я руковожу этим ансамблем, праздник по моему сценарию. Но, понимаете, – оживилась она в ответ на моё изумление, – мне всегда, каждый год кажется, что в нём чего-то недостаёт. Какой-то мелочи! Вы со стороны ничего не заметили?

– Как же! Заметил! – воскликнул я, радуясь тому, что не ошибся в ней. – В нём нет правды! Вы устраиваете праздник, но не верите в него. Играетесь! А наши предки не игрались, они искренне верили – тот, кто не купается в эту ночь на рассвете, тот колдун! Вот вы купались?

Она рассмеялась. Встала, одёрнув сарафан.

– Пойдёмте!

И понеслась к реке. Ошеломлённо посмотрев на развивающуюся косу, я кинулся вслед за девушкой. Она подбежала к речке, сбросила шаль на траву, уронила туда же веер, завязала узлом волосы на затылке и, как была, в одежде, вошла в воду, руками раздвигая плавающие на поверхности венки с потухшими в них свечками.

– Ну что же вы? – обернулась она ко мне. – Идите же! – И снова рассмеялась, брызгаясь в мою сторону.

А я стоял на берегу, не в силах оторвать от неё взгляда, такой прекрасной показалась она мне, стоящая в воде среди цветов с распластанными в стороны руками. Её таинственное, зовущее лицо разбудило меня, напомнив высокие мечты о любви, давным-давно покинувшие моё сердце. «Язычица!» – с восторгом подумал я и так же, не раздеваясь, шагнул в реку.

Прохладная вода не охладила мой пыл. Я весь горел, приближаясь к ней, а она всё отходила и отходила от меня, отступая всё дальше назад, всё глубже, пока не остановилась, по плечи скрытая водой. Догнав, я взял её за руки и поцеловал в раскрытые влажные губы. Она ответила мне долгим, любовным поцелуем, поцелуем опытной женщины, от которого я тотчас же потерял ощущение времени; потом вдруг оторвалась от меня и поплыла к берегу. Не понимая, куда подевалось моё счастье, я лёг на воду и двинулся за ней.

Сил моих не было смотреть на её молодую, пышущую здоровьем фигуру, всю облепленную мокрым сарафаном, на то, как она развязывает косу. Поэтому, выйдя на берег, я присел молча на траву и взял веер, чтобы хоть на чём-то сосредоточить свой взгляд, лишь бы не смотреть в её сторону. Солнце почти встало. Оно торопливо выкатывалось из-за горы, будто хотело взглянуть на разгром, учинённый Иваном Купалой, и скоро его нежный свет покрыл всю поляну.

– Знайте, что я сделала это впервые, – сказала она, присаживаясь рядом.

– Что? – не понял я.

– Впервые поцеловалась не с мужем! – вызывающе ответила девушка.

Я тоскливо раскрыл веер и стал разглядывать птицу с крыльями, похожими на папоротник.

– Не грустите обо мне! – неожиданно ласково, как другу, сказала она. – Вы встретите свою суженую в этом году. А веер... возьмите! Подарите его ей! Это подарок моего мужа. Пять лет назад он преподнёс его мне на поляне, в такую же ночь. Я скажу, что отдала веер одному человеку, которому он понадобился больше, чем мне сейчас. Муж поймёт. А вот и он, несёт сухую одежду.

Я оглянулся. Точно, к нам приближался крепкий на вид мужчина, под стать ей; сунь ему в руки меч – ни дать ни взять Илья Муромец! Не дожидаясь, когда богатырь подойдёт, я встал и пошёл в направлении города, размышляя, как же мне быть с мокрой одеждой?.. Но как она угадала, что я тоскую о любви?

И правда, я вскоре женился. По любви. И подарил жене этот веер, который по-прежнему напоминает мне ту ночь и то страстное желание настоящей, идущей от сердца любви, которое я испытал, увидев «язычницу» на краю поляны...

20 июля 2012, Китай

Разрядка

Июльский день клонился к вечеру, но от солнца некуда деться! Куда бы Людмила ни повернулась, оно било в лицо фонтаном обжигающих искр, горело, отражаясь в стёклах витрин, и пронзало насквозь листья огромных чинар, с вальяжным видом выстроившихся вдоль дороги. Одно спасение – забежать в какой-нибудь магазинчик, под холодные струи кондиционера, как она это делает во время прогулок по городу, или вовсе не выходить на улицу, пока сухой, паллящий жар не стихнет над Ташкентом.

Но Людмила не может ждать, у неё слишком мало времени для знакомства с городом. Через день у мужа заканчивается командировка, и они улетят в Москву. Глупо сидеть в номере, когда специально напросилась в эту поездку – «ради разрядки», как она сказала, в надежде отдохнуть от суматошного ритма московской жизни (редакция, дом, редакция!) и чтобы набраться новых впечатлений. Недельная командировка подходила к концу, был осмотрен почти весь город, но у Людмилы так и не появилось ощущение, что она «разрядилась», не хватало какой-то капли, чтобы почувствовать, что отдохнула. Так что пусть муж готовится к завтрашней встрече, проверяя свои чертежи, а она погуляет.

Выйдя из гостиницы и окинув взглядом улицу, Людмила в который раз поразилась нереальной прозрачности ташкент-

ского воздуха. Все дома и деревья казались только что вымытыми. И тротуары, и небо, и даже солнце! Всё виделось ясно, чётко, без примесей постороннего «шума» – как на самой качественной, профессиональной фотографии. В отличие от Москвы, где накидка белёсого смога постоянно висит над землёй, мутной тусклостью окутывая улицы столицы.

Она улыбнулась проходящей мимо девушке в цветастом платье с цветастыми шароварами под ним и зашагала в сторону центра. Ах, как здорово! Как весело смотреть по сторонам! Видеть непривычную архитектуру вместе с южными деревьями и приветливые, добрые лица прохожих! Вышла на небольшую, уже знакомую по прошлым прогулкам улицу, прозванную в годы перестройки Бродвеем за многолюдство и торговлю, а теперь превращённую в один из тихих уголков узбекской столицы, и медленно пошла вперёд, наслаждаясь сияющим воскресным днём и ощущением собственных молодых сил. Чувства, почти забытые в Москве. Но что это? Людмила в недоумении остановилась.

Воздух, ещё минуту назад безмятежный и чистый, наполнился беспокойным коричневым цветом, блесевший радостью день превратился в пасмурный вечер, взволнованный и неприятливый. Это было необычно. Людмила успела полюбить ташкентские вечера. Ей нравилось наблюдать, как настырные лучи заходящего солнца изо всех сил цепляются за крыши домов и заглядывают в окна, пытаясь пробить густые синие сумерки; но то, что она видела сейчас, было далеко от

мирного угасания жаркого дня. Приближалось что-то страшное. Может быть, песчаная буря? Солнце пропало, а горизонт закрылся шторкой, словно кто-то сыпал грязным песком; всё было в одном, коричнево-оранжевом цвете, всё затаилось и наполнилось ожиданием неизвестного. Тревожная стена, маячившая вдалеке, на краю неба, делалась всё ближе и ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.